

Сергей Васильцев

Лабиринт №7

16+

Сергей Васильцев

Лабиринт №7

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65653425

SelfPub; 2021

Аннотация

Роман о путешествии в местах, которые подвернулись.
Вариант урбанистического квеста с элементами романтики.

Сергей Васильцев

Лабиринт №7

«Между любыми тремя точками можно провести прямую, если она будет иметь достаточную толщину»

лорд Бертран Рассел.

«Эй, ю, хочешь грибов?»

Надпись на заборе.

ПРОЛОГ

«Наши женщины любят нас от безысходности... Наши женщины любят нас?» – молодой человек с лицом интеллигентного неврастеника, растрепанными мыслями и сломанной расческой в кармане обтирал задницей одну из сырых скамеек осеннего ленинбургского садика. Утреннее томление скрадывалось яркостью отходящей листвы, моросью, праздными гуляками и тем, что люди напихивают в понятие смысла жизни.

Становилось душно. В городе бога *Пта* бухнуло что-то похожее на гром. Черный хромоногий пес вылез из-под крыши развалившейся помойки и, повизгивая, бросился в ближайшую подворотню. Дрожа всем телом, он несколько раз поскребся в двери дворницкой. Потявкал. Никто не открыл. И пес скорчился на пороге, пока ливень и ветер переламы-

вали друг друга.

Ненастье завладело пространством улиц. Холодные капли влажными бандерильями впивались в тело. Мимо неслись жухлые листья, шебарша по тротуару. День начался. Мокрый как утренний памперс.

Сейчас, когда воздух густо перемешивался с дождем, все до какой-то степени имело значение и теряло его..

– Какая черная туча над городом... Привет! – крикнул ей парень, как старой знакомой. И подытожил, – Пусть будет Осень, бывают же осенние грозы. – Решил он, встал, завернулся в плащ и поплелся прочь – окунуться в иерархию урбанистических ценностей.

«Что же было вчера? Что же... Ах да!»

Долгое сидение в кафе. Малоознакомая женщина. Разговоры о сексе и взаимонепонимании. Касание взглядов. Пара бокалов бурды непонятного содержания, сигаретный дым, вздохи, долгое блуждание в подворотнях проходных дворов, крысы, кошки, чужая квартира, новые разговоры, разговоры и разговоры, когда все уже и так ясно – русский эзотеризм за водочкой – реплики ни о чем и мысли, пораженные дистрофией, неумолимый патриотический долг....

– Отчего ты так со мной? – спрашивала женщина. Он отмалчивался, не зная, на какой вопрос теперь ответить: «Отчего так?» или «Отчего со мной?»

И тогда пришло уже отчетливое понимание, что истинной причиной нежелания дать правдивое объяснение происходя-

щему было то, что он не доверял ей. И не только ей, а вообще всем – телесным и бестелесным. Миру – как он его понимал. Или – не понимал.

– Боюсь, что не смогу рассказать об этом подробнее, – выдавил он, наконец, ничего не значащую фразу. – Ты не владеешь необходимым словарем терминов, – и принялся за закуску.

Потом в комнате появился ребенок и сказал назидательным тоном:

– Пора спать!

Фокусировка внимания смещалась, стекала водосточными трубами в самые задворки сознания мешалась оборачивалась стертыми лицами миниатюрными минатюрмортами которые сминались рушились накладываясь один надругой,,,.

Он начал понимать, что и его слова падали в эту оболочку, как в густую смолу, вязли и тонули. Тонули и вязли. Город опрокинулся на него и придавил, желая, может быть, только лишь приласкать. «Надо вернуться». Он двинулся к дому. Пришел.

«Что же дальше?...» Стояла такая тишь, что было слышно, как копошатся под раковиной вечнозеленые питерские тараканы. Промозглая ночь сочилась в окна. Заданный вопрос не получил ответа, упершись в новую формулировку: «Зачем я здесь, откуда, отчего?....»

Он сел за клавиатуру своего леп-топа и, пытаясь сосредоточиться, долго разглядывал пустой экран. Пальцы выстукивали по клавишам одну и ту же гамму: Лабиринт, Лабиринт №2, Лабиринт №3, Лабиринт №4, Лабиринт №5, Лабиринт №6, Лабиринт... – клавиша «Shift» залипла, и вышло: №?

– Где я теперь? – произнес он, – Где? В каком из лабиринтов. №7 или №? или – семь вопросов? Чтобы найти выход, надо его искать. Тоже мне – Мыслитель! И все-таки – где? «Лабиринт №7» мне как-то больше нравится. – Выбрал заголовок. – И это правильно, товарищи! – Прочитировал последнего Генсека и принялся за повествование.

ПОВЕСТВОВАНИЕ

Все неприятности начались с того, что в квартире появился африканский тотемный идол – подарок дядюшки, приехавшего из Заира. Черное губастое изваяние сжимало в руках копье и тупо пялилось в пространство. Он поместился возле стеллажа с книгами и некоторое время разглядывал своими деревянными глазами интерьер комнаты. Потом переключился на главного ее обитателя.

Хозяин квартиры сначала долго хандрил, потом заболел без видимой причины и вялых симптомов. И провалялся в горячечном бреде почти три недели. Таблетки и инъекции не помогали. Вылечила бабуся-соседка, которую притащила

перепуганная подруга. Еще месяц потом он ощущал во рту горький привкус народных снадобий, приправленных не то молитвой, не то ворожкой. Хворь отступила. Идола убрали в чулан, но было уже поздно.

Потом пришел сон. И в этом сне он увидел дорогу и идущих по ней людей. В том месте, откуда начиналось зрение, путь еще окружала тенистая аллея, постепенно переходящая в заросли роз, которые уже совсем скоро сменялись терновником, а потом – силуэтами саксаулов. Широкое плато быстро сужалось, переходя в ущелье. И там последние островки растительности перемежались гранитными глыбами, чтобы к горизонту стать сплошным месивом битого камня. Скалы по бокам дороги громоздились все выше, закрывая небо. Но рельеф обнадеживал – впереди еще брезжил свет.

Люди на дороге торопились миновать неудобную местность. Точно очумевшие леминги, они стремились вперед и вперед, не разбирая дороги. И только миновав расщелину, идущие понимали, что свет означает обрыв. И бросались обратно, но напиравшая сзади толпа уже не давала им этого сделать. Человеческая масса срывалась в пропасть, оглашая окрестности визгом водопада. И над этой мешаниной воплей и тел на последнем выступе скал плясал паяц, водя смычком по всхлипывающей скрипке. Кривляние фигурки притягивало взгляд, превращая зрителя в соучастника. И от соединения этих начал и причудливой игры светотени плясун на

утесе превращался то в рогатого монстра, то в белый обелиск с крыльями за спиной. И закатное небо, безучастное как всегда, представало драпировками этого действия.

Утром он встал и, привычно подойдя к окну, увидел за стеклом ту же дорогу в нагромождении каменных глыб и мельтешении огней на фоне рассвета – где-то совсем далеко – на периферии сознания – там, где плясал и кривлялся паяц с заколдованной скрипкой.

Потом случилась Она. Люди от этого не лечат. И поэтому эта часть истории уже начиналась со слова: «Ушла».

«Ушла... Ушла, а почему бы не уйти.... Кажется, я это уже как-то слышал. Ну и что... Она ушла. Она еще не знает об этом. Но я уверен. Она уже ушла. И это навсегда. Окончательно. Гром среди ясного неба. Ясного? Выдумашь тоже! Разве могут быть безоблачными отношения людей, которые любят друг друга время от времени. Которые любят друг друга и вынуждены быть порознь. Нет! А кто меня вынуждал? Вот в этом-то и вопрос. И, значит, все к тому и шло. И я это видел. Ждал. И все равно оказался не готов. Жаль...».

Как всякий интеллеktуал, он жить не мог без рефлексии и самоиронии, имеющей всю ту же причину – сосание под ложечкой. – Продолжить? – Трагический ужас гипертрофированного «Я» перед полным безразличием того сущего, что не укладывается ни в какие понятия и рамки. И как следствие

– неврастения, которая оборачивается боязнью быта. И в конечном счете – боязнью бытия. И постоянными оправданиями, начинающимися с многозначительного: «Кто виноват?»

«Почему?» – он так и не мог ответить себе на этот вопрос. Почему, дожив до тридцати лет, не удосужился завести детей, хотя и пытался устроить свой быт в сожительстве с особой женского пола. Почему, по каким шаблонам выбрал себе подругу и сжился с ней, хоть и понимал, что начинает существовать уже другой – не своей собственной жизнью. И жизнь эта состоит из сплошных обязанностей «по отношению к ...».

Обязанности постепенно превращались в своего рода развлечение на грани мазохизма, а потом уже – и в часть его сущности, создавая иллюзию, что так было всегда, что именно так и должно быть.

«Но ежели я любви не имею, – повторял он время от времени слова проповедующего, – Любви не имею. И что?»

В конце концов, он и сам пришел к уверенности в этой необходимости, безысходной как жизнь со смертельно или душевно больным человеком, которого невозможно бросить или отпустить. А в итоге в роли больного оказываешься ты сам. «Любовь – обратная сторона рабства, – пускался он в утешительные рассуждения. – Даже мать и отца я люблю потому, что они мои. Рабство – самый удобный способ существования.... Врешь, братец. В патетику потянуло. «Душе-

губка домашнего рая» и пр... Сам этого хотел и добился. И подруга твоя милая, умная женщина. Почти совершенство. Почти».

Иногда ему казалось, что он знал ответ на этот вопрос. И если продолжать линию виртуально-кармических умозаключений, то причины всего происходящего сводились к другой, уже запредельной линии его жизни – огромного счастья и такого же огромного горя. Такого, что сосуществовать с ним оказывалось невозможно. И кто-то высший и милосердный стер это прошлое из его теперешней памяти. Отчеркнул на полях.

Иногда оно возвращалось изнанками снов и еще – ощущением, как тяжело бродить по закоулкам чужой души, даже если человек сам раскрывается перед тобой, решительно отворачивая все тайники своих сокровенных чувств, страх и самые интимные воспоминания.

Но сны оставались снами – не более того – без образов и дат. Видимо, в этом и крылась причина всех последующих: «Почему?» и «Отчего?».

Было время, когда он странствовал по чужим судьбам, как по пустым домам, где по углам еще валяется хлам недавно покинувших их хозяев. Но никогда еще он не достигал такого, как теперь, слияния с кем бы то ни было. Так что уже давно перестал ощущать, он ли стал хозяином своего тела, или сам вышел вечным пленником поработенной сущности. Пленником от рождения.

Иногда он думал, что знает это давно и даже заранее, не понимая лишь одного: «Откуда он знает это....».

В конечном счете, он неважно использовал свои возможности. Было время, было и прошло, исчезло без прошлого – сплошным пробелом. Осталось, может быть, только имя, но разве этого мало?

И все-таки этот вопрос: «Почему?» – больше не приходил ему в голову, пока не появилась она – другая. И время снова начало двигаться скачками и урывками. И разорвалось, выплеснувшись впечатлениями другой жизни.

БЫЛО

Прошрое. Другое прошрое – без пробелов. Лет пять назад. Существование в виде высокой блондинки с огромными глазами на броском, скуластом лице обрушилась на его голову. Название этому – любовь с первого взгляда. С двух первых взглядов. На двоих. Большая редкость, знаете ли. Наваждение.

– Здравствуйте, – сказала она, – Я буду у Вас работать. С чего начнем? – улыбка тронула ее губы. Мягкая – наверно. Тогда она умела так улыбаться.

– Сотрудница. – Улыбнулся он в ответ. – Начнем, пожалуйста....

Она пришла и стала его притяжением, его любовницей,

его любовью. Стала половиной его жизни – яркой и глубокой, как фейерверк в ночном небе. И из этой половины немедленно исчезли прошлые пристрастия, приятели, привычки. Личная жизнь раздвоилась и разломилась. Все, важное прежде, стало вторым планом. Отступило в тень, но не исчезло. Ведь тогда он еще контролировал ситуацию и сумел так сохранить вторую свою половину, которая называется индивидуальный домашний очаг.

Зреющий мужчина, погрязший в собственных проблемах, и молодая красотка, скользящая по жизни, почти не касаясь ее изнанки. Что их объединяло? А очень просто – они сами. Он боролся с собой, принимал разумные решения и ничего не мог с этим поделать. А она? Она была рядом.

Напрочь лишенная тяги к материнству, она приняла постулат, что нельзя строить свое счастливое будущее на руинах чужой судьбы. Мужчина этого не стоит.

И реакция ее была всегда предсказуемой: изящный жест холеной ручки (Ах бросьте, сударь, не говорите глупостей! Какой ребенок? Я Вас люблю, как дай Вам Бог ... – эlegantного, сильного, с бесятами в глазах. Зачем семья? Какая скука!), яркий блеск белозубой улыбки. Она усаживалась рядом, распахивая колени. Как там говаривал Воланд? «И тут началась всякая чушь...».

А он? В конечном счете, и его грела эта мысль, что дама опять отвергла брачное предложение. Они просто любили тогда, и каждое их соприкосновение порождало страсть.

Шли месяцы. Годы. Они жили, притираясь друг к другу плотнее, чем муж с женой. Да что там! – плотнее чем камни в пирамиде.

У них не было детей, но и не было зашоренности обоюдного быта. Он уже временами считал ее ипостасью своей собственной сути, когда этот их мир дал трещину, развалившую его всего за несколько месяцев.

Все началось с финансов. Правительство очередной раз сменило курс. Проекты не выгорали. Денег стало меньше. Их еще хватало. Ему. Только не ей. Она ушла. Внешне ничего не изменилось. Те же встречи, та же любовь, то же отсутствие просьб и упреков. Те же взаимопонимание и взаимопомощь. Те же разговоры по душам в дорожных пробках. Те же, да не те. В ней уже сквозила другая жизнь. И не было прежних долгих свиданий – частных квартир, где можно превратить мир в иллюзию совместного быта, каминов с пляшущими язычками пламени, когда за окном –30 по Цельсию и тишина такая, что слышно потрескивание веток на морозе. И только звездное небо за индевеющим окном и отблески пламени, отливающие перламутром на покрытых испариной телах.

Чувственность оставалась, только встречи становились все реже. Жизнь начала свой бракоразводный процесс (если верно, что браки совершаются на небесах). И он уже ощущал это. Почти неосознанно, но понимал, что придет день, а вместе с ним и человек, который выдернет его женщину из ее неустроенности. Человек, к которому она уйдет.

Житейское правило – хочешь обострить чувства – начинай уходить. Ощути потерю. Потеряй и найдешь. Сделай шаг вперед (назад?), чтобы вернуться. Вернуться?

Он ждал и разумом уже желал этого – роман затянулся. Роман не может затянуться, если он еще живет в тебе. Не стоит загодя рыть ему могилу. Сам в нее и попадешь. И он ждал. Желал этого и боялся. И прятался в самодовольство возлюбленного мужчины. И произошло то, что должно было произойти...

Прошло уже ... Прошло всего лишь время. Или нет – не так: «Время пришло».

Еще десять дней назад все было совсем как всегда. Чистый шоколад. Она плавно выскользнула из его постели и направилась в ванну. Он нехотя расстался с одеялом. Двинулся к кухне. У приоткрытой двери остановился, прислонившись к дверному косяку.

Она обмывалась под душем, изгибаясь в струях воды. Присела и слегка раздвинула ноги. Кого стесняться?

– Ты уезжаешь прямо сейчас... – просто сказала, продолжая водить по себе губкой.

– Уезжаю... Дней на десять.

– Без звонков и зоны охвата... – это был не вопрос. Констатация факта.

– Видимо да, – подтвердил он. – Всего десять дней. – – Целых десять дней, если подумать – пропасть.

– Приедешь, сразу звони. У меня хозяйка отбывает в отпуск. Повеселимся. Целыми днями можно жить в постели, – повернулась и уперла в него слегка прищуренные близорукые глаза.

Он почти почувствовал новый прилив нежности. Или вождения. Отвернулся, пошел ставить кофе. Она одевалась, напевая. Легкая. Близкая. Его?

Десять дней прошло тупо и радостно. Псевдоотдых. Эрзац. Попытка поймать золотую рыбку романтики в болоте обывательского быта. Просто в болоте. Не те снасти выбрал – не получилось. И все-таки возвращался радостно. Ведь все шло своим чередом. Ни шатко, ни валко. Не богато, но как-то так – без проблем и неурядиц. И еще была она – томная и зовущая... Да... Солнце всходило и плавно катилось к закату. Настроение был совершенно шампанское.

«Каждый день ездить не смогу. Дел много... Привыкнешь еще! – облизнулся он сытым котяркой (самому противно стало). – Привыкнешь, а там... А через денек – обязательно. Ведь я же так ее...» – такие вот были мысли.

Стал набирать номер далеко загодя – еще на трассе. Гудки. Гудки и больше ничего. Отбой.

Он перескочил на сотовый номер.

– Алло... – томный, сонный, неприветливый голос.

– Ты как?

Шуршали шины.

– Я перезвоню... – отбой.

Пауза – 10 – 15 – 20 минут.

Может быть заболела? Или мигрень. Полчаса он держал марку. Дальше не смог. Снова набрал ее номер.

– Дорогая...

– Не сейчас. – И снова гудки.

Ни ждать, ни звонить больше не стоило, и тем не менее он снова нажимал клавиши и ждал, пока она снимет трубку.

– Ты не хочешь меня видеть? – пауза.

– У меня появился другой человек, – большая пауза. – Я перезвоню.

– Рад за тебя. Надо было сразу сказать. Желаю счастья! – отчеканил фразу, как будто давно ее готовил....

И вот тут он сломался. Машина слетела на обочину и встала. Уткнулся в руль и замер. Сколько времени прошло – 5 минут – час? Все равно это была вечность. Провал между тем, что было, и тем, что есть.

Он посмотрел на дорогу и пожалел, что не умеет плакать. Шум летящих мимо авто постепенно въезжал в мозги. Сцепление. Скорость. Газ. Машина выкатилась на шоссе и начала набирать скорость – 120 – 140 – 160 – 180. Завизжали покрышки на вираже. Водитель почувствовал себя гонщиком-отморозком и сбросил газ. Не стоило умирать в эту минуту. Пусть будет, что будет. Пусть.

– Где это я остановился? – спросил сам себя и ответил. – На полпути к сумасшедшему дому.

«В прошлой жизни, милочка, ты была ведьмой, – тупо перебирал он гадкие мысли весь оставшийся путь. – А теперь станешь и в этой». – Он возжелал вызнать все наверняка и удивился, как это еще до сих пор не замечал рядов жутких совпадений, как шлейф следовавших за его бывшей подружкой.

Вспомнил историю про мальчика, который, жутко влюбившись, сначала ударился в дзен – лишь бы уйти хоть куда-нибудь – а потом погиб в автокатастрофе. Если суждено кому-то голову потерять, так тому и быть. Даже если ее – эту голову потом целый день будут искать в овраге возле лежащей на крыше машины.

«Как она каялась тогда, письма матери его писала. Убивалась. Убивалась? Все ли буквы в этом слове должны быть написаны? И потом...» – подумал и прочувствовал в себе липкую подлость обиженного подростка. Слушать в себе этот вздор было жалко и стыдно.

«Все это нас не касается, пока не касается лично нас...» – подвел он черту собственной злости и закрыл эту тему.

Что-то было еще, но он погнал от себя эти мысли...

А потом была ночь, и был день. И снова ночь, и ускользающая бессонница. И уютная подруга. Никакой дури и безысходности. «Не дождетесь! Выход всегда есть, – сказал он сам себе, – И вход, между прочим, тоже!». Он сам придумывал

новые проблемы. И постарался укутаться в них как в старое бабушкино одеяло. Почти получилось. Если бы не этот звонок.

– Это я!

– Догадался...

– Приезжай, пожалуйста. Нам надо поговорить.

– Сейчас я занят. – Наверное, это была ошибка. Наверно, надо было нестись, лететь, спасать свою любовь. Он встал в позу. Превратился в памятник «Лаокоон и его сыновья». Столб из соли. – Давай встретимся часа через три. Где-нибудь в кафе. Идет? Перезвоню и подъеду, куда скажешь.

– Я жду... – и слезы почти полились в трубку.

Что он мог сказать ей тогда: «Не уходи – я умру без тебя, – он еще не знал об этом. – Брошу все. Возвращайся. И будем вместе – только ты и я». Так не бывает. Есть еще близкие люди, родители, собаки, машины, дачи, круг общения, годы жизни – они имели право перевесить. Наверно, имели. Или нет? Сейчас уже не разобрать. Вернулась бы она тогда? Судя по сцене, которая разыгралась потом – пожалуй. Особенно, если бы встретились они в их старой комнате, и была постель. Но он не знал еще, что так хочет этого. Думал пройдет, как простуда – жарко и быстро. Пусть даже – как та болезнь, что прилепил к нему идол-африканец. Вылечился же.

Кто-то мудрый сказал: «Каждую следующую женщину года через три ты превратишь в предыдущую, потому что сам все равно остаешься неизменен.».. Жизнь – это привычка?

Может быть и нет...

Он выждал положенный срок. Привел себя в порядок и нацепил темные очки. Позвонил, определил место. Сел в машину и поехал. Включил радио:

«Я снова слушаю дождь,
Я вижу эти глаза,
Я знаю, что ты уйдешь,
И, может быть, навсегда», – пел Агутин.

«Соответствую», – подумал он и вспомнил, как уже год (во спасение привычного быта) рассуждал про себя о том, что неплохо бы ей найти нового любовника – иначе им не расстаться. Он почти перестал говорить ей нежные слова и приносить цветы. Он хотел, чтобы она ушла. Думал, что хочет. Он не знал, как это тяжело – оторвать ее от себя – только с кожей и кровью.

Видимо, любовь – это столкновение на уровне биополей, сцепление энергетических потоков. Эмоциональное замыкание. Иначе как объяснить, что обычный, в общем-то, человек со всеми изъянами и недостатками, запахами и хворями, который говорит и двигается ничуть не лучше остальных, оставляет в тебе такую фатальную колею. Свет в глазах, тембр голоса, ритм оргазмических судорог – этого недостаточно. Должно быть что-то еще. И оно было. Только он пока

не знал этого. Не замечал как окутывающий его воздух.

Он ехал, не спеша, и опоздал минут на десять. Сделал все, чтобы вытащить эту мизансцену на себя. И все провалилось. Все. Как только он увидел ее глаза. И слезы – крупные капли катились к подбородку. И она стряхивала их, размазывая косметику, и не замечала этого.

Несколько минут они ехали молча, пока он не притормозил у входа в знакомое заведение.

– Отчего плачешь ты? – спросил. – Ведь это ты от меня уходишь... – Он не договорил. Она снова разрыдалась.

– Я не могу отказаться. Он – обеспеченный человек. И мне тоже надо с кем-то жить... Он так меня любит. – Она была совершенно, убийственно права.

И значит, время уже упущено. Или почти. Хотя, какая разница. Если бы не прошедшие дни, не мысли о том, с кем она сейчас и как ... И что собирается делать.

И что же делать ему. Остаться друзьями?... Почему бы и нет? Я до сих пор не пойму, могут ли мужчина и женщина, которые любят... любили друг друга (пусть даже и нет), остаться друзьями. Скорей всего ответ отрицательный. Но ведь бывают же и исключения! Или нет?

Диалог продолжался.

– Кто он? Не говори – я знаю – твой хозяин, – (Хозяин – верное слово). Он вспомнил все истории об этом человеке, которые она рассказывала в последнее время. Об их каж-

додневных обедах в ресторанах – «скучно ведь одному». О совместных вояжах по стране. Истории рассказывались с нарастающим энтузиазмом. А как же иначе – выстилалась новая мозаика человеческих отношений. Без него. Только, к чему было обращать на это внимание. Она и прежде путалась с другими помаленьку. Он ведь сам этого хотел. И она все равно любила только его. А он? Он тоже.

Даже когда заводил интрижки с другими женщинами и думал, что вот – чтобы завести себе новую любовницу, надо бы избавиться от старой. И доигрался до того, что почти завел роман с ее подругой. Совсем уже собрался уложить ее в постель, но в последний момент отступил. Почему? Необъяснимо... Еще как объяснимо – он любил другую женщину, которая сейчас выходила из его машины.

– Твой хозяин, – повторил он, – неплохой выбор. Староват, правда.

– Ему всего 45. Просто сначала Афганистан. А теперь он бородку носит.

– А...

– Милый, я ведь тебя люблю. Ну почему ты так все запутал, – они уже пили кофе с чем-то еще, и она ломала, вытаскивая из пачки, сигареты. А он зачем-то вспомнил о другой женщине...

– Я тоже... Все правильно. Не можешь же ты при мне быть наложницей до пенсии. Все правильно... Но как-то грустно.

Он сделал паузу. Она молчала, уперевшись в него глазами. Она все еще ждала чего-то.

– И как? – снова начал он, – ты выходишь замуж. Или... У него, помнится, ребенок. Жена там.

– Это только у тебя никого нет. И никогда не будет... Я перееду к нему через неделю. Уже сняли квартиру. Евроремонт и прочее. Он развелся ради... – она осеклась.

– Понятненько. Сделал то, чего не сделал я – молодец. Меня-то вообще ничего не держало! Стратег... – теперь уже замолчал он.

– Он тебе понравился, правда? – спросила, словно молила ответить ей «да», и это растрогало его. И он проговорил то, что она хотела услышать

«Я хочу быть с тобой!» – говорили ее глаза.

– Я хочу быть с тобой... – повторили губы.

Он поднялся. Подумал: «А я тактик. – И еще. – Хорошо быть женщиной – порыдала и все прошло...». Сказал:

– Пойдем. Мне нужно на воздух. – Растянул фразу. – Поедем куда-нибудь....

– Поедем... – она поднялась и покорно двинулась следом. Как будто две недели назад.

Если бы не было того вчера. Вечера и ночи. Если бы она сказала чуточку раньше. Загодя. Так как-нибудь: «Дорогой, ко мне обратился господин N с предложением о сожительстве с серьезными намерениями. Как ты на это смотришь?» Были же и раньше эти сожительства, хоть и без серьезных

намерений. Были. Ну и что?

Вопрос ставился именно так – если бы у него был еще один день на осознание, изменило бы это что-нибудь? Или нет? Бросить все, лишь бы остаться вместе – заманчивое предложение, если забыть о всяких посторонних «НО». «Как бы не сделал – все равно пожалеешь», – слишком избитая фраза, чтобы стать лозунгом момента.

А она? Она должно быть лучше его чувствовала грань между: «да» и «нет». И боялась снова сделать шаг, который не даст им остаться за этой гранью. Так он думал. И вряд ли ошибался.

Когда люди впитывают друг друга на протяжении нескольких лет, мысли и ощущения становятся общими, как вода в сообщающихся сосудах. Он знал. Он ведал, что возможно все. И ничего не будет.

Сели в машину. Поехали. Оба понимали куда. И оттого долго молчали.

– Я так боялась этого разговора с тобой. Так боялась!

– Отчего? Разве я мог что-нибудь для тебя не сделать.

– Ты мог бы сделать... Раньше.

– Да, – протянул он и снова замолчал. – Мне будет тебя очень не хватать, – выдавил патетически.

– Он еще не знал тогда – насколько.

– Мне тоже... – она пропустила издевку. – Мы останемся вместе?

– Станный вопрос. Насколько это возможно.

– Да?

– В данной ситуации меня интересуешь только ты (Истинная правда! И как всякая правда – она многогранна). И если ты будешь...

– Я буду...

– Что-то я не чувствую, что мне повезло, – проворчал он и прибавил скорость.

Она рассмеялась, но в ее смехе различались истерические нотки.

Они приехали. Вошли. Стремительно избавились от одежды и начали привычную процедуру насыщения друг другом. Нет не обычную. В этот раз энергетика разрыва удвоила, если не удесятерила силу их чувственности.

Она впивалась в него, наполняясь вождением. Он смотрел на ее запрокинутое, почти перевернутое лицо и думал, как ужасны перевернутые лица – слишком много отверстий, слишком рельефно. Даже обнажившиеся зубы выставляют все свои щербинки и неровности. Изнанка человеческой плоти, обращенной в пространство. Он смотрел снизу вверх и тонул в прелести слепившейся с ним женщины.

Он увидел, как судорога пробежала по ее животу. Она застонала: «Господи, как мне хорошо..». Открыла огромные, слегка косящие глаза и привалилась к нему, прижимаясь всем телом, прошептала:

– Я умру на тебе...

«И я умру... без тебя», – наконец он начал осознавать происходящее. И поэтому двинулся к ней самозабвенно, почти со злобой. И захлебнулся собственным стоном. Приоткрыл веки и снова увидел ее – его женщину. Теперь уже не надолго.

– Я люблю тебя, – шептали ее губы.

«Я люблю тебя...» – повторял он про себя. Она угадала.

– Почему ты раньше так мало говорил мне об этом? – Она приподнялась на локте и откинула волосы со лба. – Почему?

– Слова – это знаки. Знаки и больше ничего! – начал говорить он и понял, какая это чушь. – Я боялся утонуть в тебе.

– А сейчас?

– Сейчас ты уходишь...

– Я могу вернуться.

– Как?

– Просто развернуться и уйти. – У него еще был выбор. Он промолчал. Они еще были вместе. Потом одевались. Сидели рядом, пропитанные нежностью.

– Он знает про меня ... – он выплыл из задумчивости.

– Знает, конечно...

– И что?

– Как видишь. Мне удастся выторговать себе свободу. Пока.

– Пока... Стратег... – повторил он. – Если он тебя любит. А он тебя любит – теперь это ясно. Он сделает все, чтобы стереть меня из твоей жизни.

– А как бы сделал ты? Ему же тоже обидно. – Он начал злиться. Вдруг зацепился взглядом за простыни со следами недельных упражнений сексом и отчетливо выговорил про себя: «Вернуть ее еще возможно, но зачем?»

Она подошла и обвила его руку:

– Все жду оргазма. Но его так и нет. Наверно, я все же очень расстроена из-за тебя.

– Тебе все время приходят в голову какие-то нелепые мысли.

– Я тоже так думаю.

1816 год. Наполеон покидает остров Эльба и движется к Парижу. «Чудовище вырвалось на свободу!» – орут газеты – «Оборотень в Каннах!», «Тиран – в Лионе!», «Узурпатор в 60 милях от столицы.», «Бонапарт приближается форсированным маршем.», «Наполеон завтра будет у наших стен.», «Его величество в Фонтенбло!».

«Зачем я это вспомнил? Ах да!» – подумал он.

Равновесие, замешанное на их обоюдном прошлом, начало уходить у него из-под ног.

– Если бы ты только знал, как ужасно быть одной, – сказала она так, как будто его и не было рядом. – Особенно в праздники. Особенно в Новый год. Пустая ночь с электрическим ящиком. Женщина не должна быть одна. Не должна!

Ты этого понять не можешь...

Он внимательно смотрел на нее, старая различить знакомые оттенки прошлой чувственности. Но нет. Она просто приняла наилучшее решение. Самое рациональное в сложившихся обстоятельствах. Только и всего.

Они возвращались. Он вел машину, стискивая зубы от ощущения собственной вины, глупости и беспомощности. Он терял ее. Еще не сейчас. Но навсегда. И так выходило, что сам этого и хотел... Мы думаем, что проблемы вовне, а все они – внутри нас.

Поезд ушел, господа присяжные заседатели. Последняя подножка выскользнула из-под ног.

– У нас с тобой все будто в кино. Типичный бразильский сериал, – выговорила она после долгого молчания.

– Не особенно. Скорее «Зимняя вишня». Да и тут с моралью выходит неувязка.

– Что может быть моральнее, чем любовь? – она была по-своему права.

– Читал давно уже какую-то восточную поэму. Не помню названия. Там про отношения жены падишаха и его любимого младшего брата. Они впали в любовь. И что бы с ними потом не делали – они все равно оказывались вместе.

– У нас уже было на это время...

– Да... Ты выйдешь за него замуж? – спросил и понял, как он предсказуем.

– Зачем?

– Иметь детей от любимой женщины – большая радость.

– По тебе я этого не заметила. Прости. Ну не привили мне материнских инстинктов. Ну что тут сделаешь...

«Были бы дети – не было б проблем. Как и выбора. Или был? Были бы дети, и тебя бы не было... Или наоборот... А еще – это могли бы быть твои дети», – мысли путались.

– Не переживай! – выговорила она, задумчиво. – Я с ним обо всем договорилась. Он обещал тебя не трогать.

– Ты это о чем?

– Да так...

Они доехали до офиса ее новой фирмы. Пора было выходить. Она потянулась к нему и чмокнула в губы.

– Я люблю тебя, – привычно выдохнула женщина.

– И я тебя тоже, – непривычно откликнулся он. – Ты моя радость...

– Ты моя смерть, – прозвучало в ответ.

Первый акт действия завершился.

– Прощай! – выдавил он.

– Увидимся, – улыбнулась женщина. – Надо завтра не забыть сделать маникюр.

– Я люблю тебя! – произнес он и подумал, что надо расстаться. И чем скорее, тем лучше.

Вернувшись домой, он сразу лег спать, предварительно приняв изрядную дозу снотворного. И в следующий день ничего не делал, только слонялся по комнатам, открывал и сно-

ва закрывал окна и двери. Конечно, он был свободным не менее, чем всегда, но в данном случае это ничего не меняло.

Они встретились снова уже через два дня. Встретились в ее старой квартире.

– Ну где же ты! – сказала женщина тоном вконец заждавшегося ребенка, – мой уехал на стрелку – машину разбили. Давай скорей.

И все было почти как всегда. Но с новым изводящим ощущением последнего раза. С жуткой чувственностью и нежностью поцелуев. Он уже почти поверил в то, что все будет почти как прежде, но настал следующий день.

Утренний звонок был ни к чему не обязывающим, он просто хотел отдать кое-что из ее вещей.

– Приезжай, – сказала она, – его нет дома. Мое Чудовище уже при делах. Но трахаться не будем. Я спешу.

Дело было не в 15 минутах, за которые они успевали случиться в разных экстремальных ситуациях. Дело было в принципе. Сергей еще надеялся, что память тела еще может вернуть нечто в их близость. Не получилось. Он перестал контролировать процесс. Перестал... Психанул, но поехал. Потом довез ее до работы. Ехал и рассказывал ей о разных пустяках, соскальзывая на чувства. Наговорил больше, чем за все года их предыдущих отношений.

Она слушала удивленно. Только и всего.

– Почему ты не говорил этого раньше? – повторила уже

в который раз. – Ах да – боялся утонуть. А я? – потом вышла из машины и исчезла в людском потоке, так не разу и не оглянувшись. Она двигалась с грацией победительницы, впрочем – как и всегда.

– Отчего так? – проговорил он. – Отчего мне всегда было проще сказать «Нет», даже если очень хотелось произнести «Да»?

Уже через пару дней она пришла снова. На этот раз к нему в офис. Такой прощальный круиз по местам боевой славы. Обещала еще с утра. Но появилась почти вечером. Он целый день только и делал, что ждал. Как никогда раньше. Совсем извелся. Видимо, опять на что-то надеялся.

Наступили сумерки. Он не выдержал и принялся звонить старому другу. Просто, чтобы отвлечься. И появилась она. Медленно вошла, заперла дверь и села к нему на колени.

– Я хочу быть с тобой, – беззвучно изогнулись ее губы.

– И я... – отбросил он трубку.

Через некоторое время она приподнялась над ним и, почти не мигая, высматривала что-то на его лице, как будто хотела унести его с собой. И он задохнулся от блаженно ускользающего ощущения близости. И был счастлив, как последний идиот. Завершающее слово в этой фразе особенно справедливо.

Потом она снова обещала прийти с утра. И пришла через день, когда он уже устал изводиться.

– Что поделаешь – дела...

– Что поделаешь...

Следующая пауза растянулась на неделю, в течение которой он видел один и тот же сон, как вот они о чем-то долго спорят с новым сожителем покидающей его женщины, и он говорит своему vis-à-vis: «О чем Вы хотите, что бы я рассказал – о том, как мы больше ни разу не виделись или какой рисунок на обоях в Вашей новой спальне». Глупая детская месть!

«Не психуй, это всего лишь ущемленное чувство собственника, – уговаривал он себя, – поболит и отпустит.» – Не отпускало.

Каждая их новая встреча превращалась в очередной акт расставания.

Вся беда заключалась в том, что он только сейчас начал ощущать ту власть, которую приобрела над ним его страсть к этой женщине.

– Я люблю тебя. Я все время думаю о тебе и никогда тебя не брошу, – шептала она в телефонную трубку. Он не верил, не верил и все-таки надеялся. Жажда надежды – что с ней поделать?

Быть может, встретившись через пару лет, они проявились бы добрыми друзьями или совершенно чужими друг другу людьми. Через пару лет, но не через пару месяцев.

Прошло два месяца. И была Москва, в которой питерские паребрики превратились в бордюры, а парадные – просто в подъезды. И был отель, где они оказались из-за Бог весть какого стечения обстоятельств.

Она шла навстречу и улыбалась.

– Я уже иду, – сказала она в телефонную трубку. – Ты ждешь?

– Я жду.

– Буду минут через 10, – и не пришла.

Дела, что поделаешь... Полдня он бесился. Бегал по номеру. Выходил на балкон и пялился на улицу. Потом просто бродил по незнакомым переулкам и заводил разговоры со случайными людьми. И чуть не каждые 5 минут таскал из кармана свой сотовый телефон. Тот с электронной точностью констатировал – пропущенных звонков не существует. Нет...

«Зимняя вишня...» Идиотизм!

Он упрямо боролся с желанием набрать ее номер. Удалось.

Подошел вечер, вместе с суетой дня рассеивая и психоз. Но что-то еще оставалось, что-то гнало прочь из тесного гостиничного номера. Он вышел на воздух, вернулся, зашел в ресторан. Там была обычная суета у бара. Танцы. Показная веселость. И она. Она с молодым человеком, его знакомым – знакомым слегка, почти номинально. Сердце забилося су-

дорожно.

Она увидела его и радостно заспешила навстречу. Встретились как родные. Как будто только что разошлись с обещанием встретиться через 5 минут... Нет, через 10.

«Расставаться надо сразу. Вот что ...» – подумал он тогда, и улыбнулся, когда она чмокнула его в щеку.

Двадцать минут отвлеченно вежливого разговора он не заметил. «Расставаться надо сразу. Вот что... Быть третьим «на подхвате» – еще куда ни шло. Но «четвертым – лишним» – точно слишком», – эти мысли отпечатались особенно отчетливо, на фоне образовавшегося провала. Лена всегда обескураживала его. Но так!

И все же, улучив момент, он еще раз спросил ее:

– Идем ко мне?

– Прямо сейчас? Замечательно! – улыбнулось она.

Дальше все развивалось по его худшему сценарию.

Выйдя в холл, она вдруг вспомнила:

– Где-то здесь бродит мое Чудовище – я от него всего на часок смылась. Иди вперед – я догоню... И даже не спросила этаж и номер. Он молча двинулся вперед. Окликнуть... Одернуть... Зачем?... Если женщина говорит, что вас любит, совсем необязательно, что она любит только вас.

И все-таки ждал еще минут 15. Усвоил до капли накатившуюся беспомощность. Какая же паскудная штука – надежда! И ни чем ее из себя не вытравить. «Вдруг позвонит»..., – подумал он и сам почти начал набирать цифры на мобиль-

нике. Еще раз поразился собственной глупости и бросил это дело.

Пришлось признать, что все это время он старательно лелеял спрятанную надежду, что любовь к нему все-таки заставит ее вернуться. Вырвет из складывающегося быта. Глупец! «Бытие определяет сознание», – уж в чем, в чем, а в этом материализм безусловно не ошибся.

Он бродил по ночному городу, смотрел вокруг. Она отсутствовала всюду – в осеннем воздухе, в воде, в цветах, которые он не смог ей подарить...

«Странно, – почти вслух проговорил он, – я начинаю любить женщин только тогда, когда они уходят. А до того лишь терплю. Отчего? Я мазохист? В душе. Душой – так вернее. Поэтому я и жду, что меня бросят. А потом тяну расставание – коплю в крови адреналин... Жду, что меня бросят. Дождался!»

Он закрыл глаза и снова увидел ее – всю ее некрасивость: череп с широкими скулами и коротким вздернутым носом. Тело. Нет, тело вспомнить он не смог. Все застилала глаза. Прикрытые глаза, которые подсвечивались изнутри жутким заволаживающим пламенем. И губы. Только они могли так прошептать:

«Ты – колдун. Заколдовал меня. Милый! Как я тебя люблю...»

Выходило, что он уже пристрастился к своей тоске. Упивался ею, культивировал, растравлял бесчисленными воспо-

минаниями, копил взгляды, жесты, улыбки, слова, которых уже не было. Он стал любить тоску ради нее самой. Голод человеческой чувственности утолить невозможно. И оттого сбывшиеся надежды оставляют позади все лучшее. «О счастье мы всегда лишь вспоминаем?» – классик не прав.

Когда все было хорошо, счастье не имело значения. И он чувствовал себя вправе делать и то, и это. Теперь, когда все стало плохо, понял, что вправе быть только таким – самим собой.

В конце концов, печаль и предательство, страдание и насилие надолго остаются в памяти, но все же они бледнеют, выцветают и исчезают, а воспоминания о бликах огня на теле утомленной ласками женщины и звездном небе, под которым бродили тогда, остаются почти неприкасаемыми в пределах единой человеческой жизни. Хотя и эта правда нуждается в поправках и оговорках.

Весь следующий день он провел на диване. Несколько раз пытался уснуть. Не получилось.

«Отчего же я все время бегу от призраков?» – подумал он и произнес вслух:

– Ты забыла, что я не только знаю тебя, но и чувствую, – и чуть позже. – Все кончено. Теперь уже точно. Кончено.

Он еще раз посмотрел в окно на мельтешавшие внизу автомобили. Понял, что сам себя наказал за свою сентиментальную глупость. Отключил мобильник. Хотел посетить ресто-

ран, но передумал. Ушел в пространство московских сумерек.

«Bonjour, Tristesse – Здравствуй, Грусть...».

Он вернулся в будничность своего повседневного существования: работа, заботы, бытовой уют, милая сожительница, мысли о будущем. Начало получаться...

Все кончено? Как бы не так!

Прошел еще месяц...

Он опаздывал. Он категорически опаздывал. Машина летела по набережной, переливаясь светофорами и огнями остающихся позади авто. Гонка преследования....

В последнее время ему мерещилось, что кто-то исподволь охотится за ним, пялится на него электронными глазами. Весь город, весь мир – сплошной электронный взгляд. Это мешало сосредоточиться, не давало думать. Раздражение захлестывало. Он смахнул с лица все выражения и оскалил зубы. «Улыбайтесь, и Вам улыбнутся в ответ». Маловероятно, но попробовать стоит.

Машина неслась в цокоте шипованных шин. Он следил только за выбоинами на асфальте.

Она опять вторглась в пространство его обитания и позвала в гости. Лопух – он снова спешил к ней на встречу. И,

когда задребезжал телефон, автоматически брякнул:

– Дорогая, я уже почти...

– Это не дорогая, это я... – раздался в трубке голос по-други. – Загляни дома в почтовый ящик.

«Опять попал!» – тупо подумал он и отвлекся от дороги.

Снег в отличие от людей никуда не торопился. Просто шел, превратив отдельные части трассы в ледяной каток. Машину понесло, ударило пару раз о поребрик и сквозь чугунное ограждение выбросило в реку.

«Ну и вот!»... – успел подумать водитель, прежде чем автомобиль, подмяв под себя тонкий лед, начал уходить под воду.

Он еще увидел, как из притормозившей на набережной желтой иномарки выскочила женщина, всплеснула в ужасе руками и поправила сбившуюся прическу. Потом жуткий озноб взобрался по телу и отключил сознание.

ИЛИ НЕ БЫЛО?

Когда он очнулся, на груди сидела лягушка со странными желтыми пятнами на голове, собранными в корону.

– Просыпайся уже, милый друг, давненько тебя дожидаю... – прошамкало земноводное.

– Этого не может быть! – запаниковал он и очнулся во второй раз.

Он ощущал себя роженицей и младенцем одновременно. Его трясло, выворачивало наизнанку и давило со всех сторон. Время пульсировало и давило на мозг до рези в глазах. Он очнулся. Сознание словно выкарабкивалось из кокона прошлого, отдирая с себя последние ошметки памяти. Оставшееся напоминало сложный ребус, сложенный на незнакомом языке.

Открыл глаза. Долго лежал и пялился в потолок под шум в ушах и ощущение жуткого озноба. «Чувствую, стало быть, существую, – двинулись губы. – Двигаюсь». Чего-то не хватало. Прошлого, понял он наконец, провалившись в бред на больничной койке еще на неопределенный промежуток времени.

Постепенно боль унялась. К тому времени он уже прошел все периоды паники, кошмарной иррациональности, уныния, летаргии, отчаяния. Случалось, что он не мог догадаться, когда спит, а когда бодрствует и отличить сон от воспоминаний. Он знал, что все еще существует, но не понимал, где находится и сколько прошло времени.

Его память снова из связующей ленты, на которой мостились его жизненные перипетии, превратилась в сплошную пелену и стерла из сознания все, кроме вот этой койки и этого потолка. И еще старой нянечки и очков доктора, иногда заходившего посмотреть пациента.

- Пить хочется, – разлеплял он губы, глядя на капельницу.
- Помню, помню... – отзывалась сиделка.

– Я хотел только...

– Знаю, знаю... – звучал ответ. – Спи, батюшка, спи.

«Но должно же быть еще хоть что-нибудь, – думал он. – У меня ведь осталась способность думать. Мысли не могут быть без образов. А образы должны откуда-то являться. Хоть что-нибудь.... Имя, – вдруг выплыло из пустоты. – Должно было быть Имя». Он ухватился за эту мысль как за последний шанс и может быть оттого долго не мог ничего вспомнить. Ничегошеньки! Напрягался до спазмов мышц. Но в голове так ничего и не прибавилось. Пустая трата времени.

Губы зашевелились сами собой, когда он очередной раз вывалился из дремоты. «Сергей», – угадал он беззвучное слово.

– Сергей! – заявил себя миру, как будто поставил штамп в паспорте. Можно было начинать жить.

Утекло еще три дня. К нему никто не пришел. Память по-прежнему давала сбои, но действительность не становилась от этого менее контрастной. Сергей устал томиться ожиданием воспоминаний, потреблять больничную диету, которая сводилась к снижению потребления съестного до немыслимых пределов, и мять казенные простыни.

Один из соседей по палате все время бубнил о том, как от него ушла жена. Другой храпел так, что на тумбочках дребезжали склянки с лекарствами. Старый бомж с подбитым глазом и постоянно чмокающими губами чесался, не пере-

ставая, даже когда спал... Пускали газы они по очереди. И этот запах – тягучая смесь сероводорода, скипидара, пота и чеснока – все подталкивало к мысли, что пациент уже достаточно здоров, и пора выбираться. И поскольку, если не считать амнезии, нескольких царапин и насморка, Сергей больше ничем не страдал, отпустили его с легким сердцем. Выдали справку и велели сразу отправиться в милицию.

Только выйдя на улицу, он понял, что не знает, куда идти. Память ушла, документы пропали. Родные и близкие – за этим словосочетанием следовало поставить большой вопросительный знак. Оставалась машина, но ее еще надо было найти. Вот с такими мыслями он и бродил по припорошенным снегом улицам, пока окончательно не продрог. Воздух съежился от мороза. И наступивший вечер превратился в бесконечную пляску искристых колючек. Надо бы было все же зайти в отделение органов внутренних дел, но... Он сам не мог себе объяснить, почему не хочет этого делать.

Вокруг ходили люди, текла жизнь, только Сергей совершенно не знал, как себя к ней пристроить. Ему некуда было идти, позвонить было некуда. Ведь бывает же так жутко, когда в огромном многомиллионном городе некому просто сказать: «Здравствуй, это я». Он шел и шел, и пятисложная меланхолия пристроилась рядом.

– Господи! – проговорил Сергей. – Со мной тут такое творится, а в Городе все как всегда: «Ночь, улица, фонарь, аптека...»

Слава Богу, в карманах завалялась кое-какая мелочь – хватило на жетон в метро. Зашел погреться.

И там внутри, в теплом пространстве электрического света ощутил приступ блаженства просто оттого, что рядом толпились горожане, что они спешили и знали, куда спешат. Свободный от этих человеческих обязательств, Сергей от нечего делать рассматривал проходящих мимо людей так внимательно, как не делал этого никогда раньше.

Вот из вагона метро появилась элегантная дама, задорно подмигнула ему и пошла дальше, и было понятно, как она отлично знает, что ее рассматривают со спины. В другом случае Сергей наверняка не заметил бы случившейся сценки, но в эту минуту он как губка впитывал подвернувшиеся обстоятельства. И когда из следующего поезда вышла та же самая дама, он скорее начал оценивать ситуацию, чем впадать от нее в удивление.

Глаза их встретились, и они некоторое время рассматривали друг друга. Женщина начала замедлять движение, но все-таки прошла мимо и двинулась дальше той же походкой – зная, что ее рассматривают со спины.

Поджидая следующий поезд, Сергей был уже почти уверен, кого он увидит за открывающимися дверьми. Электричка подъехала. Двери открылись. И если бы молодой человек не выискивал среди пассажиров уже знакомую даму, ни за что бы не догадался. Это была она и не она. Никакой фривольности, в глазах сплошные домашние заботы и пакеты с

продуктами в обеих руках. Но это была определенно она. И не желая ломать голову над тем, что же это за знак такой подают ему судьба, Сергей просто встал и вошел во все еще открытые двери освободившегося вагона.

Он ничуть не удивился, что вагон оказался совершенно пуст, и электронный голос объявил: «.. аспект Мира» – та же самая остановка. Бывает же, что поезд перегоняют с ветки на ветку. Ехать было все равно куда, и он уселся на подвернувшееся сиденье. Вагон тронулся, и кто там оставался на перроне, Сергея больше не интересовало. «Поехали».

Поезд долго несясь сквозь зияющую темноту и редкое мелькание огней. Иногда состав останавливался, но казалось, что движение все равно продолжается. Пространство вагона напоминало лодку, покачивающуюся на волнах. Свистящая тишина давила на уши... Наконец поезд тронулся последний раз и влетел в освещенный вестибюль станции метро – тот же самый. Люди двигались в привычном темпе. Знакомая скамья по-прежнему пустовала. Сергей вышел.

– Куда я теперь? – вопрос звучал риторически. Но проходящий мимо человек оглядел его как больного и ответил – поди, пойми чего. Сергей начал вслушиваться в текущую речь, осознал, что не понимает ни слова, и попятился назад – в двери вагона.

«Следующая станция р-р-р-ш-ш-ш...аспект Мира», – пропел электронный голос. Двери закрылись. Поезд тронулся.

– Что-то здесь не так, – резюмировал пассажир и внезапно обрадовался. Конца следующего перегона он дожидался как финиша гонки Формулы-1. Летящий поезд превращал мелькание огней за окном в сложный орнамент. Станция вырисовалась из него почти магическим знаком. Двери открылись.

Выходя на платформу, он уже ощущал свою фиксированность в предоставленном мире. У него был дом – он тут же припомнил (неправильное слово, но пусть) свой адрес, номер машины и место работы. И еще были друзья – незнакомые пока. Но Сергей не сомневался, что тут же опознает их – нужно только встретиться. Мир был притертый. Свой.

«Почти»... – весело добавил он, двигаясь к выходу. Во всем этом еще предстояло разобраться. Но – пусть.

Сергей двигался быстро с целеустремленностью человека, знающего куда он идет уже в силу привычки.

– Вот явлюсь домой и выпью рюмку виски, – думал он, чтобы ни о чем другом не думать. – Мечта идиота!

Оказавшись перед квартирной дверью, Сергей ничуть не удивился, как не удивился и ключам, торчащим из замочной скважины.

– Чушь собачья! – сказал он, взясь с замком. – В жизни полно дверей, которые не отворяются, когда ты в них стучишь – ничуть не меньше, чем тех, которые распахиваются, когда ты этого и не желаешь. Я желаю...

Дверь открылась, и он проследовал в розовые внутренне-

сти своего нового жилища. Квартира оказалась небольшой, но ухоженной – только что после евроремонта, как мы это теперь называем. Минимум мебели и максимум удобств. Стены были завешаны фотографиями с фрагментами мебели, посуды, участков человеческих тел, похожих на приоткрытые морские раковины. И еще было зеркало в барочной раме на обращенной к окну стене. Чуть сбоку располагалось спальное место – нечто среднее между полуторной кроватью и канапе.

На антикварном столике в коридоре звучно задребезжал телефон.

– Слушаю, – сказал Сергей, запретив себе удивляться.

– Привет, это я! – отозвалась трубка. – Ты куда пропал?

– Я дома, заходи...

– Вот и правильно... – прозвучал ответ, продолжившийся короткими гудками.

Время ожидания было заполнено блужданиями по помещениям и определению нахождения разных необходимых аксессуаров. Опробовал унитаз. Тот оказался чрезвычайно удобным. Хотел залезть в душ. Не успел.

Раздался звонок. Сергей распахнул дверь и выпалил:

– Привет, Сашка, – сам не зная почему, и отступил внутрь.

Гостем оказался коренастый молодой человек, одетый дорого, но небрежно, с веселыми, белыми зубами.

– Как дела? – на всякий случай поинтересовался хозяин.

– Хреново, да еще ты тут... Ну что – опять один. – Резю-

мировал он, заглянув в комнату.

– А ты как же? – спросил Сергей.

– Если бы я даже и стал голубым, – парировал гость, – то скорее по обязанности, чем от души. И ты совсем не в моем вкусе.

– Ну, будет уже. – Хозяин оставался беззаботно-добродушным, ему ведь еще предстояло научиться понимать свое положение в этой жизни. – Давай-ка лучше за встречу.

– Не вопрос, – отозвался Сашка, стаскивая ботинки. – У тебя есть?

– Сейчас увидим...

– Не хило, – продолжил гость, уже открывший холодильник, и выудивший оттуда бутыль темного стекла и несколько упаковок всякой снеди. Молодец! – Сергей сначала подумал, что это про него. – Молодец. Уйти – ушла, а харчи оставила... Мне б таких женщин.

– И ты туда же. – Сергей решил закрыть тему.

– Почему бы и не о ба... извиняюсь – дамах. Всегда есть место для беседы.

– Говори... – сказал Сергей, делая вид, что слушает.

Новая жизнь заполняла его мозги. Он не только вживался в образ, но одновременно вспоминал себя. И эти воспоминания услужливо занимали пустоты его нынешней биографии.

И выходило так:

Во время оно пришел в эти края Петр. Народ его – смесь

бывших славянских, чухонских и татарских племен унаследовал от своих диких предков две яркие черты – постоянство в оголтелости и невосприимчивость к трезвости. Так что жил Петр скудно и тягостно, но долю свою не клял. И родил Михаила.

Михаил вышел рослым и статным. Любил землю свою и женщин на ней. Родил Ивана и погиб на войне.

Иван преумножил родительское наследие. И стал рачительным хозяином. Верил в Бога, Царя и Добродетель. Служил Отечеству и родил Егора, который ни в чем на батюшку не походил.

Егор жил долго и имел трех жен, пять лошадей, девять собак и сотню коров. А прочей живности – без счету. Получил от отца народишку работного и угодыя просторные. Ни в чем себе не отказывал – когда не скандалил – охотился, когда не охотился – скандалил. И еще выпил по жизни 150 ведер водки, выкурил 25540 папирос и родил Василия.

Василий стал тем, от которого род Васильцевых и ведется, хоть имел он и до того несколько поколений ведомых предков...Быть бы тут степенству, да не вышло ничего. Нашлось бы счастье, да мимо пролетело – возьми да и случись в стране Великий переворот – и начал Василий новый отсчет – пошел в трактористы. Отчего? Оттого, что был он сыном городского головы. Таких и к тракторам–то редко подпускали – все больше котлованы рыть, да каналы строить. Сказался беспризорником – так и выжил.

Работал Василий много и совестливо, собирая по крохам разваленный быт. Пил мало и только чистый спирт – лечил язву, от которой в конце концов и умер. Еще принципиально курил самокрутки, даже когда заполнял их дорогим табаком, любил собак и друзей, таких же бывших как и он, поля и леса. Имел жену и был ей верен.

Сыном Василия стал Николай – Сергеев дед.

Деда Сергей никогда не видел. Стерла Николая из жизни вкупе со всеми сверстниками очередная Великая Бойня. Осталось фото в альбоме – мужчина с необычайно живыми глазами и трубкой в зубах небрежно оперся на допотопный «Кодак».

А еще он любил жизнь и думал, что это надолго. Получилось коротко. Жаль.

У Николая родился Николай, рос в детдоме при живой матери – на то она и война. А потом был мир, и снова по крохам сосредоточивалось единение Васильцевской семейственности. Николай образовывался, обзаводился друзьями и соседями, женой, не курил и мог легко и, почти не пьянея, выпить бутылку водки, и оттого не пил вовсе – на кой черт тогда и деньги тратить. Наследственно любил охоту и собак. Нашел себе подругу. Потом...

Потом уже пришла очередь за Сергеем.

Сергей формировался постепенно, проходя через все стадии человеческого взросления. Жил при отце и ерепенился по молодости, не имея перед глазами разумного примера

взаимоотношений двух мужских поколений семейного клана. Имел ум цепкий, но поверхностный. Характер легкий, но будучи эгоцентриком, мало что воспринимал всерьез. Любил мать, но впадал в нигилизм, потом подрос и даже поумнел отчасти, но родить наследника не торопился, видимо, оттого, что еще не повстречал ту, с которой имело смысл скрещивать свои гены.

Скелет обстоятельств как корабль ракушками обрастал подробностями. В его память вернулось почти вся оставленная здесь жизнь. Почти...

Сергей так и не смог вспомнить образ женщины, о которой происходила Сашкина болтовня.

– В сущности, ты прав, – между тем разглагольствовал гость, совершенно не озабочиваясь, слушают его или нет. – Когда тебя начинают рассматривать как хорошего парня – читай кандидата в спутники жизни – конец любой любовной интрижке... И потом, в последний раз моя красotka не решилась отдаться мне, потому что ногти на ногах были накрашены лаком не того цвета. Это уже не закоулки сложной женской души – это дебри! Многие приятней отказывают, чем она дает...

– Люди расходятся, потому что в них перестают совпадать ритмы жизни, – попытался Сергей поучаствовать в беседе.

– Это глобально, – Сашка продолжал аранжировать снесь на столе. – А в частности, им просто становится скучно. Я

бы может быть и решился на что-то более серьезное в этом плане, но, понимаешь, не терплю женского порядка на моей кухне. Еще эти фантики от прокладок в ванной... Впрочем, жизнь не нуждается в анализировании. Анализ уничтожает ее очарование. Ладно, приступим!

Ну что ж, выходило то ли с дороги, то ли на посошок. И то, что наша иррационально-национальная традиция почитает пьяного почти за юродивого, а юродивого почти за святого, было почти что на руку. Тем более что напиваться никто не соби́рался – поговорить в основном.

Сашка откупорил бутыль и принялся:

– Самогонка, – выдохнул и поморщился. – Эстетствуешь?

– Хлебная.... Слеза.... – начал было оправдываться Сергей.

– Наливай! Чего рассусоливать... Давай садись, – удовлетворился Сашка. – Жратвы от пуза! – они разместились за столом и заполнили посуду. – За что пьем?

– Не знаю...

– Человек всегда должен знать, за что он пьет! – наставительно произнес гость.

– Тогда за... – Сергей задумался...

Они чокнулись молча и синхронно выпили по первой рюмке...

Два моложавых мужчины в состоянии легкой эйфории выкатились из подъезда и начали продвижение в сторону освещенных улиц. Вечер удался. Все течение пролетевше-

го застолья легко характеризовалось строкой из Данте: «И так, как мысль дает исток другим, одно другим сменялось размышление...», если помножить эту сентенцию на пьяный бред подвыпивших молокососов в школьной подворотне. Информации во всяком случае Сергей получил преизрядно. Повод для размышлений имелся. Но только на свежую голову.

– Простите. – Обратился между тем Александр к проходящей мимо гражданке. – Как пройти в женскую библиотеку? – и доверчиво заглянул ей в глаза.

– Как чего? – опешила та.

– Ну вот. Нас не понимают! – вынес вердикт Сашка. – – Следует дальше! Тебе не кажется, что основная проблема в мире – отсутствие взаимопонимания?

– Я... Да я... – возмутилась гражданка. – Какая наглость!

Но парни ее уже не слышали. Поддерживая друг друга, они упорно брели к ближайшей остановке.

– Мы все строим Вавилонскую башню, даже если говорим на одном языке... – переключился Сергей на очередную пьяную заумь.

– Я растрогался! Черт меня возьми, Серж! Меня это растрогало! – захныкал Сашка.

– Что?

– Ну эта самое, как его – отсутствие... Погодь, – икнул наконец Сашка, которого повышенная концентрация алкоголя в крови явно склоняла в сторону экстремизма. – Погодь-ка, –

повторил он и крадучись двинулся к троллейбусу, который заканчивал загружать пассажиров. – Смотри ...

Машина уже захлопнула двери, когда Сашка метнулся к транспортному средству, уцепился за канаты и оттянул его усы от проводов. Он замер так секунды на две, на три, потом заорал, обращаясь к ближайшему прохожему:

– Эй, уважаемый! Подмогните, пожалста! Встал я, понимаешь! Придержи трос на секундочку, я щас!

– Щас... – продолжил я, ретируясь на безопасное расстояние.

Мужик крикнул в знак согласия, перехватил веревку и встал в позе реализованной добродетели.

Когда из троллейбуса выскочил разъяренный водитель, мы были уже шагах в двадцати. Поэтому до нас долетали скорее жесты и вопли, чем содержательная часть их беседы.

Судя по всему, прохожий успел получить в глаз, прежде чем догадался выпустить из рук эти чертовы канаты. После чего машина начала плавное движение, и водителю, смачно отмеченному в ухо, было уже не до сатисфакции – он понесся догонять отъезжающий транспорт. И успел как раз вовремя, чтобы не снести припаркованный у обочины грузовик.

Прохожий кинулся было за водителем, потом разобрался в ситуации и завертел головой, выискивая в пейзаже Сашкину фигуру. Поздно. Они уже скрылись в тени ближайшего киоска.

– Сообразительный ты наш! – поощрил его Сашка.

– За что ты его так? – поинтересовался Сергей.

– А нечего было таблом торговать. – Сашка был безапелляционен. – Теперь им адреналина до утра хватит...

Сергей не выдержал и прыснул в кулак..

Далее вышло короткое прощание и продолжительный путь домой. Стараясь двигаться естественно, Сергей проследовал к двери своей квартиры и сунул ключ в замочную скважину. Следующий миг реальности опрокинулся на него только утром.

В этом мире надо жить так, чтобы родиться с новой зарей, и каждый вечер готовиться умереть. Великая мудрость! Но вот как в эту схему вписывался похмельный синдром?

Сергей не стал озабочиваться этим вопросом, решив, что лучше сунуть голову под холодный душ. Помогло не очень, но мозги промыло изрядно. И в голове возобладали ясность и пустота. Теряясь в этой пустоте, хозяин дома попробовал обойти дозором интерьер собственного жилища. Полюбовался на стоящую на прикроватной тумбе банку с водой и помещенной туда вставной челюстью, которая скорее напоминала порнографическую открытку.

– Кто поместил сюда эту гадость? – спросил он вслух и скромно ответил – А это я ведь! Сюр в инсталляции – пусть себе стоит...

Под банкой лежал листок, заполненный мелким компью-

терным текстом, с несколькими кляксами от капель воды, которые подозрительно напоминали слезы. Оторвавшись от разглядывания плоскости листа, Сергей сконцентрировался на содержании текста.

« Доброе утро, мой центр Вселенной и центр моей Вселенной!

Очевидно мое предыдущее письмо до тебя не дошло, которое я отправила с работы буквально минут сорок назад. Но сейчас я сижу дома. Как я тебе уже писала, мы заработались в офисе, но тут вдруг неожиданно позвонил Жеребин и, узнав, что мы все еще пашем, предложил себя в качестве шофера. Но я отказалась, так как очень не хотелось быть ему обязанной. Но это все фигня.

Еще мне в голову начали приходить всякие мысли по поводу нас с тобой. И я полностью признаю, что ты прав. Если ты настаиваешь и уверен, и хочешь, то, конечно, я откажусь от тебя. Просто в глубокой старости мне вдруг осознается, что это было ошибкой – прожить всю жизнь с другим человеком (Пусть даже очень хорошим и любящим меня навсегда) и тогда это будет обидно. В том, что ты считаешь, что так будет лучше, я полагаюсь на тебя, но в том, что ты лучший – положись на меня.

Сейчас ехали по Городу – такой туман. И Город такой странный, и очень красиво. Я бы погуляла с тобой по такой погоде. Все такое инопланетное, еле слышное и еле видимое.

Вот Сестра и усвистала гулять куда-то. А на меня нашло задумчивое настроение, и я решила написать тебе ночное послание.

Спать совсем не хочется (зато завтра захочется дико) и я почти разговариваю с тобой. В субботу я признаюсь тебе в мелкой (хоть и не такой уж мелкой) корысти, если нам удастся проехаться по магазинам. Насчет мягкой игрушки – я абсолютно серьезно. Я буду обнимать ее ночью, и мне будет очень сладко спать. Но так как она должна олицетворять тебя, то надо выбрать что-нибудь подходящее. Какое бы животное подобрать? Сусликов, наверное, не продают. Но на суслика ты теперь не очень похож, потому что я узнала, как ты занимаешься любовью. Ты явно не суслик. Суслики так не занимаются. Я была бы не права. Может быть большой мягкий кот? Или ты можешь предложить свои варианты? Подумай, пожалуйста, и вышли свои предложения. А я их буду рассматривать.

Наш Шустрик нашел, где ему жить, и мой Друг теперь дико радуется и находится в предвкушении обладания мной. Он такой счастливый, что мне становится неуютно. Можешь так сделать, чтобы я все время не думала о тебе? Не зря я тогда в мае ныла Подруге, что я в первый раз в жизни боюсь. Она меня хорошо знает и знает, как я относилась к молодым и немолодым людям в последние десять лет. А тебя я испугалась, и есть, чему пугаться. Подкрался незаметно, когда уже поздно было бежать.

Был еще шанс до первого поцелуя, потому как не была я уверена, что мне хочется с тобой целоваться, и что мне нравится это прекрасное времяпрепровождение с тобой. Но ты вынудил меня это сделать, как будто знал, что стоит тебе поцеловать меня, и я уже никуда не денусь. Так и вышло.

Сегодня ты правда был очень мягкий и романтичный, и мой. Я чувствую, когда ты мой, а когда ты совсем не мой, и тебя занимают другие более важные мысли. Пожалуйста, постарайся на подольше побыть со мной и во времени и в пространстве.

Поеду в январе в Ебург, поплачусь Подруге, может она скажет что-нибудь умное. Хотя вряд ли. Она сама будет ждать от меня что-нибудь мудрое, потому как у нее самой хватает проблем на личном фронте. Готовься – икать будешь все время.

Вспомнила про смерть на могиле. Но ведь необязательно же себя убивать, чтобы почувствовать себя мертвой. Можно же умереть внутри, и это выйдет то же самое, просто будет присутствовать физическая оболочка – и все. Так что, пожалуйста, следи за собой. Не хочу пока умирать так рано. Я еще не нажилась с тобой. Это мне бабушка всегда так говорила, когда я приходила к ней в гости. Мы болтали часами про литературу, про мальчиков и про Город – это были основные темы наших бесед. А когда я собиралась домой, она говорила: «Ну вот уже уходишь, а я еще не нажилась с тобой». А сама ушла, а я ведь совсем не нажилась с ней. Ладно, что-

то мне стало грустно совсем. Пойду я лучше почитаю твою книжку. Я очень начало люблю перечитывать. Хотя сейчас под настроение – лучше стихи..

Целую тебя, Солнце мое ясное.

Пиши.

Я наверное проснусь часов в десять и пойду сразу проверять почту.

Целую тебя нежно-нежно. Сейчас очень хочется к тебе прижаться и рассказать что-нибудь тайное и душевное. Или просто помолчать рядом. Мне, правда, иногда очень хочется тебе рассказать про себя, но, понимаешь, мы все время бежим, а я так не умею. Мне нужно много времени, чтобы прийти рядом с тобой в лирическое настроение, потому как когда ты рядом, меня сначала всегда тянет на страсть, а на лирику уже времени не хватает. Ты ведь очень мало про меня знаешь. Ты никогда об этом не думал, или тебе просто не очень интересно.

Целую тебя опять.

Надеюсь, письмо дойдет.

Сегодня были проблемы с почтой – то письма твои не удалялись, то не доходили.

Ужасно не хочется расставаться с тобой. Помню то пьяное состояние, когда я писала тебе из Е-бурга, а потом наутро сходила с ума, что же я такое тебе написала. Так вот тогда я тоже сидела часа три, все никак не могла уйти от компьютера и написать последнее «пока»....

Ну все, целую тебя в последний раз и уйду.

Спокойной ночи.....»

Сергей перечитал письмо несколько раз и понял, что не должен потерять женщину, которая писала ему эти строки.

Он подскочил со стула и забегал по комнате, бурча под нос нечто невразумительное. Подошел к стене и несколько раз с силой ткнулся в нее лбом – память не возвращала ни единой черточки. Только кровь туго застучала в висках. Перестав метаться, он сполз на пол и уставился в окно.

– Если я попал в этот мир и почти избавился от амнезии, – бормотал он, елозя затылком по шершавой поверхности рифленых обоев, – должно быть так, что стоит вернуться в исходную точку, и я что-нибудь вспомню и там. И тогда...

Неплохая идея. Тем более проверить – пару плюнуть. Он выскочил из дома, спустился в метро и занял место на подходящей скамейке у путей, ведущих в направлении, обратном тому, по которому он сюда приехал. Оставалось только выбрать правильную дверь. Сергей долго рассматривал пространство подземного зала,двигающиеся фигуры, вывески – ждал знак – дождался. На этот раз мужчина в длинном, темном пальто наступил ему на ногу, наставительно сказал:

– Черт подери! – и подался по своим интересам.

Следующий поезд выпустил аналогичного субъекта. Сергей машинально засунул ногу под скамью, пропустил отмеченного пассажира и двинул в вагон.

– ... дующая станция: «Сортировочная» – пропел артикулированный женский голос. Двери закрылись – поезд тронулся.

«Когда становится так тошно, что даже само название жизни превращается в нечто неопределенное, – отметил про себя автор повествования, – я выхожу на путепровод над огромной сортировочной станцией и гляжу, как, извиваясь, железными гусеницами ползут по рельсам товарные поезда. Я заглядываю в прозрачные глаза локомотивов. Завидую их кочевому быту. Жду... Наверное, оттого название «Сортировка» ассоциируется у меня с духом перемен. Но я отвлекся...»

Сергея пару раз пнули в бок и прижали к хозяйственной сумке. Так он и тянул до следующей остановки. «Ну вот – перепутал», – отметил он почти разочарованно, выпрессовываясь из вагона. Ничего нового в голове не прибавилось. Сергей решил, что не стоит пока без толку болтаться под землей, и двинулся к поездам, идущим в обратном направлении. В следующий момент на него налетел крупный мужчина, споткнулся и завалился на встречную пару немолодых женщин. Раздалось несколько возгласов, ахов и извинений. Самым странным было то, что Сергей оказался совершенно исключен из участия в этой сцене. И не успел он задуматься над этим, как сам наскочил на дамочку, которая тут

же выпустила из рук пакет с апельсинами. Оранжевые шарики покатались под ноги пассажирам. И дама, бормоча себе, под нос, какая она неуклюжая, кинулась собирать разваленную сумку. И опять – ноль внимания на виновника происшествия. Сергей пожал плечами и двинулся к эскалатору, стараясь держаться в стороне от скоплений передвигающейся публики.

Поднявшись наверх, молодой человек оказался на бульваре, который замыкался белым собором с голубыми куполами. Волей-неволей пришлось двигаться мимо. Он прошел к храму сквозь скопище нищих и калек, выставивших напоказ свои язвы и обрубки, кинул несколько монет в расставленную посуду. Никто не заметил. Уже перестав удивляться, Сергей приостановился в дверях, перекрестился, но внутрь не пошел. Нельзя было представлять перед Господом в таком виде. Решил податься к дому. Благо территориальных изменений пока вроде бы не обнаруживалось.

Он вошел в знакомое здание, поднялся на нужный этаж и поковырял ключом в замочной скважине – ничего не вышло. Все еще соображая, что же ему теперь делать, Сергей автоматически ткнул клавишу звонка, и дверь приоткрылась. В образовавшуюся щель выглянула женщина в халате, шлепанцах и бигуди.

– Кто там? – произнесла она шепотом, глядя на лестничный проем, практически сквозь стоявшего напротив посетителя.

– Извините... – начал, было, он и осекся, поняв, что его все равно не воспринимают.

– Кто это? – вопрос хозяйка отнесла уже к самой себе, сняла цепочку и вышла на площадку. – Шутники еще нашлись! – Сказала и отправилась обратно.

От нечего делать Сергей двинулся следом. Квартира по планировке оказалась той же самой, что и его, но только по планировке. В руках у хозяйки оказалась телефонная трубка, и она продолжила прерванный разговор с возгласа:

– Ах оставь! Из всех ощущений с ним, что сижу на большом остром колу, и что эта штука, которую он в меня сунул, застряла где-то внутри. Представляешь... – дальше Сергей слушать не стал.

В это время в коридоре появилась рыжая кошка. Сначала она приглядывалась к посетителю, пряла ушами, потом выгнулась, зашипела и бросилась внутрь комнаты.

– Ты что, дура! – взвизгнула женщина. – Да это Муська чуть с ног меня не сбила. Иди кисонька, молочка попей. Ну и сиди себе под шкафом... Так вот, продолжаю...

Внутреннее помещение оказалось образчиком женского быта. Чистота, салфетки, кружева, пара изящных бантиков, компенсирующих недостающие винты на кресле и настольной лампе. Картина на стене – скучающий котяра на груде фруктов. Внушительных размеров фикус возле окна.

Компьютер на письменном столе намекал на принадлежность обительницы интерьера к бизнес- или интернет-со-

обществу. И еще – двуспальная кровать с невероятным количеством вышитых подушек, подушечек, думочек и мягких игрушек была настолько большой, что даже не сразу бросалась в глаза.

Двинувшись в кухню, он проследовал к холодильнику и заглянул внутрь. Там обнаружилась кастрюлька куриного супа, миска мясного салата, ветчина, овощи в ассортименте, упаковка яиц, несколько пачек рыбной нарезки, пара бутылок кефира, сыр, вареная колбаса, майонез и что-то там еще. Хозяйка вегетарианством не страдала – уже хорошо. Разглядывая продуктовые запасы, Сергей вспомнил, что давненько не потреблял ничего съестного и решил компенсировать этот пробел, зажарив себе яичницу с ветчиной и помидорами.

Пока он кулинарил, хозяйка, не прекращая говорить по телефону, уселась смотреть телевизор – шел очередной сериал. Реплики женщины накладывались на развитие латиноамериканской мелодрамы:

– Да я любила его, – услышал он нервический женский голос. – Любила и, видимо, люблю до сих пор... И что с того? Что с того? Ведь теперь – ни когда мне плохо, ни когда мне хорошо – его нет рядом. Его вообще нет! Он стал всего лишь моим воспоминанием, – поди разберись, кто это произнес.

– О донна Мэри! – взмолился Сергей. Встал и закрыл кухонную дверь.

Он уже заканчивал ужин и пил холодную жидкость из пузатого чайника, когда женщина появилась в кухне и принялась убирать посуду. Пока она делала это, всякое выражение сползло с ее лица, превратив его маску прощания с ушедшей молодостью.

Расставив все на привычные места, женщина вздохнула и направилась в ванну, долго плескалась, напевая простенькие мелодии, и появилась оттуда в короткой ночной рубашке василькового цвета с кружевами и рюшечками.

Когда в комнате погас свет, Сергей еще некоторое время сидел в кухне, рассматривая очертания зимнего города. Решил все-таки, что кровать достаточно велика и хватит на всех и еще, что он чертовски устал за последние дни. Отправился в комнату и обосновался на свободной части спального места.

Уснул он на удивление быстро и так бы и проспал всю ночь, если б не ощутил вдруг, что накрывшие его эротические сны уж больно отчетливы. Проснулся разом и, еще не открывая глаз, он понял, что оглаживает ягодицы соседки, у которой ночнушка сбилась уже к самой шее. Женщина дышала часто, слегка пристанывая, и бормотала во сне разные смешные нежности.

Сергей замер и постарался, было, высвободиться, но хозяйка только крепче прижалась к нему всем телом, перебегая кончиками пальцев от плеча к мочке его уха. С одной стороны ситуация выходила чертовски забавной, а с дру-

гой... Предстояло либо попробовать вырваться, либо начать исследовать локальные проявления женской анатомии. Сергей пошевелился. Дама тут же открыла глаза и посмотрела на него совершенно отсутствующим взглядом. Потянулась и промурлыкала:

– Приснится же такое... Как хорошо! – она перевернулась на другой бок, дав Сергею возможность вытащить руку, которой он почти автоматически провел по бедренной части женщины, невольно разделившей с ним постель. Та то ли сказала, то ли выдохнула:

– Ох.... – и заурчала, но больше никак не отреагировала на его присутствие в своей опочивальне. В ответ из-под шкафа мяукнула кошка.

– Верните мне мой моральный облик! – высказался постоялец. И продолжил. – Так получается, что я могу вытворять здесь все, что захочу, а меня никто и не заметит... Какая скука!

Сдвинув от себя женщину, пребывающую в посткоитальной расслабленности, Сергей лежал и долго пялился в потолок, стараясь уснуть, но голова оставалась ясной. Отключиться не получалось, и постепенно от этого лежания и глядения перед собой время стало переливаться в образы и откатываться назад. Его память, походившая сперва на архив беспорядочно разбросанных образов и предметов, начала упорядочиваться.

События выплывали и таяли, накладываясь друг на дру-

га. Сначала он увидел свой полет в ледяную реку, обломки ограды и лобовое стекло, парящее на фоне ночного неба.

Подобные ситуации врезаются в память будто видеозапись: полное отсутствие мыслей, зато масса ощущений; ты не успеваешь их зафиксировать, но все они тут как тут, если мозг почему-то вдруг вздумает снова прокрутить эту ленту.

Финал сцены тонул в яркой вспышке, которая оборачивалась крошечной тьмой. И ничто из явленного прошлого больше не просачивалось сквозь завесу рухнувшей пустоты. Зато выплыли лица друзей уже другой линии существования.

Сначала явился Сашка с неизменной саркастической улыбкой на тонких губах. Как-то раз Сергей заказал в подарок другу визитки: «Люцифер Мефистофилиевич» и номер его машины «н 333 ет» всегда мысленно множил на два.

Отец у Сашки был алкоголик. И потому сын считал себя собственным началом. Избегал разговоров о прошлом. Любил девочек с куриными мозгами и книгу «Граф Монте-Кристо».

В ранней молодости друг обожал ходить на чужие свадебные банкеты, когда приглашенные от невесты считают, что ты гость со стороны жениха, а близкие жениха – дальний родственник невесты, и адреналин в крови мешается с шампанским, приличной закуской и знойными подругами молодой четы.

В перерывах между банкетами он развлекался селекцией мухоморов. Что еще добавить? Сашка – это Сашка – креативно-аттрактивный тип с мистическими наклонностями.

А еще у него имелась младшая (на 3 года) сестра Настасья. Лицо ее было улучшенной версией Сашкиной физиономии. И все знали, что она – женщина прогрессивная, имеет двух мужиков и вполне понимает и брата, и его друзей.

Она иногда находила возможным привносить свой шарм в их сугубо мужскую компанию, но делала это редко то ли из-за общей занятости, то ли из-за отсутствия действительного интереса.

Потом возник Юлий. И это уже совсем другая история. И сначала, как водится, было Слово. И слово было Имя. И имя было Юля... Это сейчас он стал вальяжным и уверенным в себе рачителем собственного благополучия. А было время...

Гордое имя римского Цезаря, которое дал ему просвещенный родитель, превратилось в среде дворовой пацанвы в обидное девчоночье прозвище-дразнилку. Поэтому борьба за мужественность существования составила стержень Юлькиной жизни, даже когда он подрос и перестал обращать внимание на подобные глупости.

Теперь Юлий носил строгие костюмы от Hugo Boss, поливал себя одеколоном Calvin Klein, ездил на больших черных машинах, ходил в спортивные клубы для сильных мужчин и выражался на людях исключительно сквозь зубы. И то невоз-

мутимое безразличие, которое он надевал на себя вместе с костюмом, импонировало многим.

На самом деле Юлька был вовсе не тем, кем казался, но знали об этом только самые близкие друзья.

Что еще добавить? Жил он в малюсенькой однокомнатной хрущобе, где коридор, кухня и смежный санузел помещаются на четырех квадратных метрах, а из мебели имел один матрас, телевизор и газовую плиту. А, значит, впечатление на женщин должен был производить ошеломляющее.

Сергей не раз интересовался у друга, как ведут себя дамы, прибыв в первый раз в такое жилище холеного джентльмена.

– По контрасту, – небрежно отвечал Юлий, – когда уже пришла, куда деваться...

Женщина, которая решила стать его спутницей, экзотику, впрочем, тоже любила, и отдалась ему настолько искусно, что наш полководец на время утратил бдительность и оказался в роли продолжателя рода, сам не поняв, как все это произошло. Однако...

Семейная жизнь, по мнению Бернара Шоу – не более естественна, чем клетка для какаду. Но плохо ли какаду в клетке? Только в том случае, если он знал другую жизнь. Юлий, похоже, ее знал. Знал превосходно и в клетку лезть ни коим образом не собирался.

Женитьба так и не выгорела, но сына новоявленный папаша вниманием не обделял и окрестил Харитоном.

Прошли времена, когда с подавляющим большинством

соотечественников Юлий пребывал в странном оцепенении, наблюдая захватывающую картину разброда и распада. Ныне стал он житейски мудр, торговал недвижимостью и с возрастом начал обживаться. Его квартира состояла уже из пары залов, в одном из которых к дивану и телевизору добавился письменный стол с компьютером и музыкальный центр класса *HI-END*. Посередине второго зала стояла большая деревянная астролябия, словно громадная летающая машина с другой планеты. И все.

Юля имел желание стать писателем, но при этом – математические мозги. В итоге, все, что он наговаривал себе, прежде, чем сесть за рукопись, оборачивалось одной единственной выверенной фразой. Писать больше было не о чем.

А еще он любил, когда предметы превращались в знамения, полных женщин, еврейскую водку, врать в три короба и куртуазный маньеризм. Что поделать – у каждого свои слабости...

Явились и братья – Петр и Павел – сыновья отца, убитого по недоразумению. Разница между ними была восемь месяцев и учились они когда-то вместе с Сергеем в одном классе средне-советской школы. Но это было давно.

Если вы были ребенком в 60-е, 70-е и даже 80-е, оглядываясь назад, трудно поверить, что нам удалось дожить до сегодняшнего дня.

В детстве мы ездили на машинах без ремней и подушек безопасности. Поездка на телеге, запряженной лошадью, в теплый летний день была несказанным удовольствием. Наши кровати были раскрашены яркими красками с высоким содержанием свинца. Не было секретных крышек на пузырьках с лекарствами, а зубная паста с клубничным привкусом подчас заменяла отсутствие конфет. Двери часто не запирались, а шкафы не запирались никогда.

Мы пили воду из колонки на углу, а не из пластиковых бутылок. Никому не могло придти в голову кататься на велике в шлеме. Ужас! Часами мы мастерили тележки и самокаты из досок и подшипников со свалки, а когда впервые неслись с горы, вспоминали, что забыли приделать тормоза. После того, как мы въезжали в кусты шиповника несколько раз, разбирались и с этой проблемой.

Мы уходили из дома утром и играли весь день, возвращаясь тогда, когда зажигались уличные фонари, там, где они были. Целый день никто не мог узнать, где мы. Мобильных телефонов не было. Трудно представить!

Мы тырили малину и били стекла, приводя в замешательство своими выходками местных садоводов. Мы запускали воздушных змеев, резали руки и ноги, ломали кости и выбивали зубы, и никто ни на кого не подавал в суд. Бывало всякое. Виноваты были только мы и никто другой. Помните? Как дрались до крови и ходили в синяках, привыкая не обращать на это внимания. Как делали рогатки, самострелы и

бомбы из болтов и спичечных головок. Мы ели пирожные, мороженое, пили лимонад из бутылки – одной на всех, но никто от этого не заболел спидом, не умер и не потолстел, потому что мы все время куда-то неслись. И, невзирая на надзор с полит-небес, мы были храбры и своевольны. Даже во время пионерлагерей.

Наши отцы ездили на «Запорожцах», которые зимой заводились исключительно с помощью паяльной лампы, зато летом забирались в такие чащобы, где другим транспортом был только вертолет. Но какая там была рыбалка! Ягоды и грибы. Какой оглушительной была тишина!

Мы не имели игровых приставок, компьютеров, 155 каналов спутникового телевидения, компакт дисков, сотовой связи и интернета. Мы неслись смотреть мультфильм всей толпой в ближайшую квартиру, где был телевизор, ведь видеодисков то тоже тогда не водилось! Зато у нас были друзья. Мы выходили из дома и находили их. Мы катались на плотах и пускали спички по весенним ручьям, сидели на лавочке, на заборе или в школьном дворе и болтали, о чем хотели. Когда нам был кто-то нужен, мы стучались в дверь, звонили в звонок или просто заходили и виделись с ними. Помните? Без спросу! Сами! Одни в этом жестоком и опасном мире! Без охраны... Как мы вообще выжили? Мы придумывали игры с палками и консервными банками, мы воровали яблоки в садах и ели вишни с косточками, и косточки не прорастали у нас в животе. Каждый хоть раз записался на футбол, хоккей

или волейбол, но не все попали в команду. Те, кто не попали, дулись во дворе и научились справляться с разочарованием.

Некоторые ученики не были так сообразительны, как остальные, поэтому они оставались на второй год. Контрольные и экзамены не подразделялись на 10 уровней, и оценки включали 5 баллов теоретически, и 3 балла на самом деле. На переменах мы обливали друг друга водой из брызгалок и старых многоразовых шприцов!

Воспоминания о расточительной жизни нам не грозят. Мы жили в другие времена. Жили и любили друг друга крепко. С нами осталась та часть судьбы, которую мы пересекли вместе. И пока она здесь, все остальное не имеет значения.

Наши поступки были нашими собственными. Мы знали о последствиях. Прятаться было не за кого. Понятия о том, что можно откупиться от ментов или откосить от армии, практически не существовало. Родители тех лет обычно принимали сторону закона, можете себе представить!? Это поколение породило огромное количество людей, которые могут рисковать, решать проблемы и создавать нечто, чего до этого не было, просто не существовало. Значит, наша свобода действительно была. Была без приставки «псевдо». У нас была свобода выбора, право на риск и неудачу, ответственность, и мы как-то просто научились пользоваться всем этим. Если Вы один из этого поколения, я вас поздравляю. Нам повезло, что наше детство и юность закончились до того, как правительство не купило у молодежи свободу взамен за ролики,

мобилы, фабрику звезд, пиво и классные сухарики... С их общего согласия... Для их же собственного блага...

Пройдет еще несколько лет и по улицам этой планеты пройдут люди с электронными имплантатами – по своему совершенные, и это уже будем совсем не мы. Наше поколение увязло в прежней системе ценностей как динозавр в реликтовом болоте. Там и останутся его кости. Так же как наша жизнь.

– Эх, парень! – оборвал себя автор. – Стареешь ты, наверное, и слабеешь – уж точно. Ты сам превратился в субъекта с башкой, фаршированной чужими мыслями и общими местами – ходячий гибрид газетного штампа с программой новостей. Ты стал приторно-сентиментальным, брат, скоро и менторствовать начнешь: мол учитесь, юные – берите пример. С чего? А черт его знает! Да простит мне читатель краткое отступление в страну утраченного детства. – Ему стало грустно. Выходило, что с этим бардаком он тоже что-то терял.

Прошли времена, когда раз в неделю – минимум – он принимал решения начать жизнь сызнова. Что поделаешь – возраст. Старость? Еще нет. Ее предчувствие.

«Счастливые годы, веселые дни, как вешние воды...» – и ничего не осталось, кроме слабо раздражающих воспоминаний. «Когда поймешь умом, что ты один на свете», – вот правда жизни. Правда, но не вся. Впрочем, не слишком ли

много цитат для одного раза?

Так вот, были еще Павел и Петр – два громилы с добрыми глазами. Внутрисемейные драки школьных лет сменились легким подтруниванием друг над другом и настоящим мужским взаимопониманием.

Они имели *яицатунер* (*репутация*, по-русски выражаясь) своих в доску во всех компаниях и были любителями поиграть в подкидного дурака не только в карты. Получалось здорово. Потому как, когда клиент соображал наконец, что его разводят, он уже оказывался в такой букве Ж, что даже обидеться забывал.

И потом они были всякими и жили по правилам и без, исключая лишь одно – предательство своих близких и особенно не доверяя скрытным натурам, которые ведут подчеркнуто добродетельную жизнь.

Ближний круг оказался узок, и в нем хватило места разве что женщине. Той самой, которую Сергей выковырял из своей памяти уже ускользнувшей из пространства его жизни. Он не сводил глаз с удаляющейся фигуры, точно надеясь, что сила его взгляда заставит ее вернуться. Хотя бы обернуться. Нет... Она медленно растворилась в пространстве прошлого. Или будущего. Перед глазами остался только потолок, подсвеченный лучами всходящего светила.

– Какой прок мне от будущего или прошлого, если я не успеваю сосредоточиться даже на настоящем, – наконец выго-

ворил Сергей, встал и пошел умываться. Собрался он быстро, наскоро поел и удалился неторопливо, сунув руки в карманы и напевая нарочито охрипшим голосом: «Я влетаю в комнату с дубиной, весь в надежде на испуг...».

—

А что — мог бы многим помочь в их тягомотной жизни, — рассуждал он вслух, уже направляясь к дверям подъезда, — Великий Аноним. — Что-то ему не понравилось в этом созвучии. Сергей разочарованно сплюнул, вышел на улицу и сразу же едва не попал под грузовик.

—

Куда прешь, придурок, — выпалил он скорее по привычке. На ситуацию не обратила внимание даже старушка, чапающая по тротуару в трех метрах от происшествия. — Вот блин! — сказал в продолжение, — пора валить отсюда, пока голова еще цела.

Говорят, что если дикаря посадить перед телевизором, то он ничего там не увидит. Электронная картинка окажется за гранью его восприятия. В этом мире в роли телевизора выступал Сергей — могучая сущность, до которой никому нет дела.

Для чистоты эксперимента Сергей решил устроить на прощанье показательную «акцию вандализма». Он влетел в ближайший ресторан и повалил несколько стульев. Понача-

лу никакого эффекта не последовало. Официанты кинулись возвращать на место опрокинутую мебель – только и всего. Но когда новоприбывший крушитель опрокинул за шиворот чопорному господину в белой рубашке графин с красным вином, публика зашевелилась. Посетители закурили головами, метрдотель начал извиняться, сам не зная, за что...

«Проняло», – удовлетворенно констатировал Сергей и удалился вальяжно, прихватив с собой пару бутербродов с осетриной и уронив музыкальный автомат. Разрушения на этом и закончились. Надоело.

На следующее утро выпуск местных новостей начался с истории о бесчинствах полтергейста в заведении общественного питания. Сергей, который из любопытства остался у своей «доброй самаритянки» скоротать еще одну ночь, встретил новость разочарованно:

– Имя мне – барабашка! – пробормотал он и окончательно понял, что надобно выметаться отсюда. – Выходит так, что абсолютная свобода – это когда ты никому не нужен. Абсолютно. – Привычка резюмировать собственную жизнь в этот раз показалась Сергею особенно отвратительной.

Очередной поход в метро протекал по почти накатанному сценарию.

– Простите, который сейчас час? – спросил у него высокий гражданин в длинном сером пальто, только что поки-

нувший вагон подошедшей электрички. От неожиданности Сергей долго хлопал глазами и соображал, что же такого от него хотят.

– Без пятнадцати десять, – сам себе ответил встреченный субъект, – Пора... – и двинулся в сторону эскалатора.

– Пора, – подтвердил Сергей, уже точно зная, кто должен появиться из дверей следующего поезда. Прощмыгнув мимо двигавшегося навстречу серого пальто, он оказался в подкатившем вагоне. Следом за ним в вагон ввалилась целая орава подростков-старшекласников обоего пола, направляющихся в очередной музей. Пространство разом заполнилось яркими куртками, мельтешением рук, воплями, кличками, непонятными диалогами и взглядами с неумемной сексуальной озабоченностью. Атмосфера сумасшедшего дома плавно затопила мозги Сергея.

– Осторожно, двери зарываются. Следующая станция Сортир... – остаток фразы утонул в гомоне проезжающей публики.

К тому, что его не замечают, пассажир уже успел привыкнуть. Но... Было что-то не то даже для этого способа его существования. В набитом вагоне вокруг Сергея сохранялось пустое пространство, куда никто так и не сподобился разместиться. Поезд тронулся, и его движение погрузило одинокого путника в круг собственного забвения. Память – и та не желала проникать за эту невидимую границу.

«Выходит так, – пытался объяснить себе Сергей, – что чем

далее я от той, чье письмо попало мне в вечер начала моих путешествий (да ведь о ней еще Сашка рассуждал, а я – дурень – не слушал). Так вот, чем дальше я от нее, тем менее значим для мира вокруг». Вывод получался спорным, но вполне мотивированным. Во всяком случае, Сергею хотелось так думать. И поэтому оставалось одно – найти и убедиться.

Пока он так рассуждал, поезд подкатился к следующей остановке, и все вокруг опустело так же стремительно, как и было заполнено. Выйдя из вагона, задумчивый странник оказался на полустанке, окруженном заснеженными деревьями. В отдалении пейзаж дополняли несколько громоздких построек. На куполе центральной из них обозначалась фигура в балахоне, которая держала в руках предмет, напомиравший одновременно и крест, и секиру. Причудливая игра света делила статую на две равные части: сияющую белизной и утонувшую в глубокой тени без полутонов и переходов. Воздух вокруг был так тих и прозрачен, что от долгого взгляда начинали болеть и слезиться глаза.

Сергей спустился с перрона и двинулся по натопанной дорожке в сторону комплекса зданий, которые при ближайшем рассмотрении оказались чем-то средним между профилакторием и монастырем. Табличка при входе гласила: «Дом отдыха – Пролетарий». Войдя в холл первого из строений, гость сразу наткнулся на стенд с исторической справкой санаторного учреждения.

Здания строились уже в советские времена, были вначале детским садом и стояли внутри стен стародавнего монастыря – считай, на святой земле. Да и теперешние постояльцы были почти что монахи, потому как по возрастным показателям им полагалось больше думать о божественном провидении и вкушать постную кашу, заедая пилюлями от сестер-сиделок. Впрочем, и здесь, похоже, не все было так однозначно. За регистрационной стойкой сидела женщина, напоминающая хозяйку борделя на пенсии. «Любви, – писал Поэт, – все возрасты покорны». И в этом Сергей искренне с ним соглашался. Но не так!

Пришелец двинулся через зал мимо столиков с пачками газет, набитых объяснениями, что все хорошо и почему, тем не менее, все плохо, и прочей мудрой схоластикой, прикрывающей повседневное дерьмо.

Возле прессы толпились пансионеры, которые покинули столовую и группировались по процедурам и интересам. Сергей шел, и рядом с ним текла пустота. Люди рефлекторно расступались с траектории его движения. Он протянул руку, попробовав прикоснуться к замешкавшемуся старикану, но тот неожиданно поскользнулся и кувырнулся прямо из под его ладони. Ошалело закрутил головой, и так, на четвереньках пополз прочь, не обращая внимания на возгласы окружающих и медсестру, которая кинулась помогать бедолаге.

Сергей представил себя таким же вот престарелым субъектом с кустиками волос над слезящимися глазами и пере-

кошенным от инсульта щербатым ртом. И зашелся от жалости и омерзения.

Впрочем, происшествию он даже не удивился. Просто прошел помещение насквозь и выбрался во внутренний двор как раз напротив здания, которое ранее было собором. Именно его венчал купол со странным изваянием наверху. Над входом, где должен помещаться образ Бога, висел выцветший плакат: «Мы придем к победе коммунистического труда!»

– Приползем... – проговорил входящий, делая поправку на возраст постояльцев сей тихой обители.

Входные двери оказались приоткрыты, и вокруг них клубилось облако пара – работала тепловая завеса. Внутри находился продуктовый склад. На стеллажах по стенам и в центре зала размещались ящики и мешки, распространяя вокруг себя неприятный запах гнилых овощей, сырости и затхлости.

Возле входа на проваленном диване расположилась пара интеллигентного вида пенсионеров в ватниках и треухах. Каждый мял пальцами по тлеющей папиросе. Беседа, как водится, велась философски-политическая:

– А не кажется ли Вам, друг мой, – говорил степенный мужчина в роговых очках, – что христианство – это провокация иудеев? Ни одна из хроник фараонов – слышите – ни одна не фиксирует исход евреев из Египта – слишком мелкое событие. А как раздули! А? И все, что потом... Мастера! Если не получилось сломить врага в лоб, придумай ему

обманку, чтобы он размяк в своем гуманизме. Пристрой туда еще несколько изюминок – табу, через которые сам легко переступишь. Заложи этот бред в голову нескольких фанатиков, готовых страдать и умирать – и готово. Ты сам будешь выбирать и поле, и правила игры. Осталось только набраться терпения. Выждать и выжить. Тысячелетие – другое. И враг – в заднице. И самое смешное – еще и млеет от этого. – Ход собственных мыслей, похоже, удовлетворял оратора.

Сосед – чахлый старичок, стараясь поддержать разговор, тоже сказал пару фраз о евреях и других вопросах этнографии. И потом:

– Ну, Вы же знаете этих ... – коронная фраза всех наших ... (определение отнесу на ваш вкус).

Сам будучи законченным продуктом своей эпохи – «Заката социализма», пропитанной коллективной моралью и отворачиванием к ней, Сергей неожиданно озлобился, услышав такую псевдополитологическую казуистику, и поэтому поспешил внутрь здания, чтоб не сотворить над собеседниками какой порчи.

Пройдя в центр зала, посетитель огляделся по сторонам. Стены собора изнутри оказались заштукатурены и выкрашены в ярко-синий цвет. Но это было давно. И краска, и штукатурка пошли трещинами, а местами осыпались, обнажив изначальную лепнину и части фресок. Со стен то тут, то там проступали образы праведников со стертыми взглядами и блеклыми ореолами вокруг скорбных ликов. За одним

из сколов темнело нечто, имеющее форму прямоугольника. Приблизившись, Сергей разглядел металлическую дверцу, которая судя по всему была замурована в стену даже раньше изначальной отделки храма, и прямо по ней, позже – прописана фигура Богоматери, и складки ее хитона образовывали замысловатое обрамление вывалившегося дверного проема.

Сергей оторвал от ближайшего стеллажа кусок арматуры и занялся откупориванием тайника. После нескольких ударов дверца подалась, и за ней обнаружилась ниша с небольшим ларцом.

– Просто квэст какой-то, право слово, – проговорил ново-явленный кладоискатель.

Ларец оказался настолько трухляв, что распался при первом же прикосновении. Из груды обломков и проржавевших скоб извлеклись массивное золотое кольцо с витиеватым вензелем и металлический амулет сложной формы – то ли секира, то ли крест.

– Тут полагается что-нибудь вспомнить, – подбодрил себя Сергей и попытался напрячь мозги. Не вышло ничего. Попытившись так минут десять, он, наконец, уложил находки в карман и направился к выходу, мимо настороженно притихших стариков.

– Рухнет когда-нибудь это вся эта святость нам на голову. – Басил тот, что в роговых очках.

– Да! Да! Да! ... Е – мое... – тараторил его собеседник. – Как мух прихлопнет!

— Эх, мужики! — рывкнул Сергей, проходя мимо. — На том свете прогулы ставят, а все туда же — мир перестраивать. А не пошли бы вы все ... к логопеду!

Он практически не сомневался, что был воспринят сейчас как Глас Божий. Ибо оба старикана отвалили челюсти и очумело уставились в пространство. Впрочем, путник не стал досматривать финал этой сцены. Пора было выдворяться отсюда.

Выйдя из дверей собора, он обнаружил, что уже накатывали сумерки, превратив комплекс зданий в скальную гряду из давнишнего сна Сергея. И, взглянув на фигуру на куполе, он увидел, что она единственная остается подсвеченной заходящим светилom. И лучи, как и прежде, делили изваяние на блистающую и темную половины без переходов и полутонov.

Из под груды ящиков слева от входа выскочил черный кот с голубыми глазами и уставился на проходящего человека. Разом зашипел, ошетинился, выгнул спину и бросился вглубь цитадели.

— Существо с шестым чувством... — констатировал Сергей и направился к электричке.

Время сочилось, растекалось в вечернем воздухе, сплывало деревья в темный монолит леса. И покидающий этот мир двигался вслед за ним, замедляя шаги по мере продвижения в сторону станции. Чистая энергия первозданности плыла от зимнего заката. И даже самый безучастный путник

ощущал в себе признаки шаманства.

Странные мысли ползли в голову, но Сергей решил оставить их на потом. Он вытащил из кармана и нацепил на палец кольцо, нащупал амулет, который неожиданно удобно разместился в его ладони. Так и двигался дальше – Великое ничто в этом Великом мире.

Когда Сергей вышел к перрону, огни электрички уже расцветчивали индивелые ветки ближайших деревьев. Дальше он не стал ждать совпадений. Просто сел и поехал.

«...Респект Мира...» – пронеслось из динамика.

– Моя остановка, – подтвердил пассажир, борясь с накачивающей дремотой.

После долгого пути Кришна и святые сестры подошли к нескольким хижинам, примостившимся вокруг большого кедра на площадке скалистой горы. Синие купола Гимавата сияли в утреннем небе. Внизу – долины Индии тонули в золотистой дымке.

Никто не вышел навстречу им. Отишельники в своих кельях лежали похожие на обтянутые кожей скелеты. Увидав их, Саравастии воскликнула:

– Земля далеко, и Небо молчит! Зачем, Господи, привел нас сюда.

–

Молись,

–

отвечал пророк,

—

если хочешь, чтобы Земля приблизилась, и Небо заговорило с тобой.

—

С Тобой Небо всегда здесь,

—

сказала Никдали, – Но почему оно хочет покинуть нас?

—

Нужно, чтобы Сын Махадевы умер, дабы мир уверовал в его Слово. Будем готовиться.

Шесть дней продолжались молитвы. На седьмой день с закатом солнца обе женичины увидели воинов, ползущих по горным уступам.

– Вот стрелки царя Канзы! – закричали сестры. – Они ищут тебя. Защищайся!

Кришина молча длил свой молитвенный экстаз. Солдаты бросились на него и привязали к стволу дерева. Кришина допустил это, не выходя из транса.

Суровые бойцы с опаленными лицами долго не решались поднять свои луки. Они толпились вокруг, швыряя в Кришину комья земли, ругаясь и возбуждая друг друга.

И когда первая стрела пронзила тело, и брызнула кровь, Кришина воскликнул:

– Васиита! Сыны Солнца одержали победу!

Когда вторая стрела нашла свою цель, сказал только:

– Святая мать моя, даруй, чтобы любящие меня со мной вошли в сияющий чертог Твой! – И от третьей стрелы с именем Браммы на устах испустил дух.

Солнце зашло. Поднялась великая буря. Снежный буран сошел с вершин Гимавата. Черный вихрь пронесся над горами. Убийцы бежали, а святые сестры, окаменев от ужаса, упали замертво.

Перегон между станциями вытянулся в бесконечность. Мелькание огней и покачивание поезда действовали почти гипнотически, смешиваясь с пристальными взглядами из темноты вагонных стекол. И Сергей ничуть не удивился внезапной остановке, поднялся и, умильно улыбаясь, вышел в цветущий сад.

Теплый, душистый воздух походил на фруктовый бульон. Пение птиц не прерывалось ни единым диссонансом. Движение внутри насаждений перемешивалось с ощущением все-ленской безмятежности. От прилипшей к лицу улыбки начало сводить скулы.

Вокруг по дорожкам, обсаженным экзотическими кустами в журчании японских фонтанов и стрекоте цикад лениво прохаживались фигуры обоего пола с выражением туповатого блаженства на румяных лицах. На скамьях, пристроенных тут же в растительную тень, тесно прижавшись друг к другу, сидели парочки влюбленных с закрытыми глазами и лицами мертвецов.

Пространство между дорожками занимали клумбы со сложным орнаментом цветов различных форм и расцветок. То здесь, то там в насаждениях летали бабочки, бродили фазаны, кролики, шмыгали небольшие рыжие зверьки, чем-то похожие на белок.

Далее в перспективе – в обрамлении туй и кипарисов – обозначалась группа строений, скорее напоминавших пряничные домики. На фасаде одного из них красовалась надпись лубочного вида: «Споры идеальной жизни». Он уловил двоякость смысла. Наморщил лоб.

– Это даже круче, чем «Победа коммунистического труда». – прокомментировал Сергей. – Горний мир, отравленный целесообразностью, – и наконец понял, что так свербело его весь путь вглубь территории – «Кладбище».

Отовсюду прямо таки разило добродетелью. Идеальное кладбище в пору цветения стремительно превращалось в кладбище идеалов. И скопление персонажей у красочных построек теперь оборачивалось похоронной процессией. Теми самыми местечковыми южными похоронами, когда тело выносят во двор в парче, крепе и букетах гвоздик. И оно выстаивается так до полудня. А вся округа собирается в кучу и томится от невыразимой тоски бытия. Мертвому проще – ему ждать уже нечего.

– Итак, – подвел черту Сергей, отчаянно стараясь удержаться на позиции стороннего наблюдателя. – Забавная штука получается. Земля в идеальной действительности обра-

щается в колумбарий. И эти споры уже в нас. Вся планета – цветущий огород, в котором мы и есть основные овощи. Основопологающие, я бы сказал. Все люди со всеми потрохами – великое овощехранилище. И кто я теперь – сеньор помидор или чипполино? Шутки в сторону!

Вероятно, Сергей бывал и в более идиотских ситуациях, но сейчас уже не помнил об этом. Он ощущал, как, пропитываясь состоянием окружающего благолепия, сам превращается в ходячий продукт культивирования.

Стараясь сохранять самообладание, он присмотрелся к окружающим – всеобщее выражение блаженного идиотизма на лицах, холеность фигур и леность движений. Генезис и селекция. Короче, малязм. И Сергей отличался от них только тем, что пока еще осознавал кошмарность этой ухоженной оранжереи.

– А что – живут же китайцы! – неплохая идея.

Связно думать становилось все сложнее. Кровь и мозги равно превращались в кисель. «Я одурманен, я заражен, плевать – так должно быть. И поэтому так будет лучше...». Круг замыкался. Мысли выстраивались в ряды всеобщей упорядоченности. И стройными рядами...

Вокруг расцветал мир, где правильные люди совершают правильные поступки. Категорический императив. Его стошнило.

– Стоп! – заорал он себе из последних сил. – Stop! – повторил он еще раз, когда увидел спасительную плешь в этом

цветущем месиве. Внутри почти правильного круга росло несколько чахлых сорняков и серо-голубая поросль, похожая на мох или плесень. Подумать только, что запустение и гниль могут вызвать у нашедшего их такую бешенную радость!

Подойдя ближе, Сергей обнаружил внутри круга предмет, по форме напоминающий его амулет, вздрогнул и сунул руку в карман – амулет был на месте.

– Вот те на... – только и сказал. И нагнулся, чтобы поднять эту штуковину.

При ближайшем рассмотрении она оказалась скомканной упаковкой противозачаточных таблеток. Пластик потрескался, и часть содержимого выкатилась наружу. Вот и ответ – адское снадобье во спасение человечества. Оставалось только донести его людям. Только как отыскать их в этом дендропарке?

Невесть откуда взявшийся павлин с размаху угнездился ему на плечо.

– Отстань, птица, – попытался тот отмахнуться. Но не очень-то получилось. Хватка не слабела, скорее наоборот, птица раскачивалась и, удерживая равновесие, еще сильнее впивалась в плечо.

– Вставайте, гражданин, – сказала она человеческим голосом. – Вставайте, пора. Приехали.

Сергей поднялся и, все еще не понимая, где находится, вышел из вагона.

«Если сон был в руку, — думал он, двигаясь по залу подземки, — то, что же тогда у меня в руках?» И потом уже начал перебирать в голове постулаты философии Федорова, мол, к чему рожать новых человеков, если под ногами столько жизней, давайте-ка лучше воскрешать предков и восстанавливать память поколений. Некромантия — двигатель спокойствия...

А что? Зло — первооснова созидания. Забавное наблюдение. Каин — первый урбанист уколошил собственного брата-бездельника. А Люцифер — сподвижник Божий и Носитель света, восстав, превратился в дьявола с рогами и копытами. Когда это с ним случились такие метаморфозы — особенно хвост — до или после?

— Я это так — «про образ и подобие», — на этой точке упокожных рассуждений ему на ногу наступил полный субъект средних лет и начал пространно извиняться.

— Ничего, — улыбнулся Сергей, обрадовавшись, что его злоключениям, похоже, приходит конец. Не тут-то было! В следующий миг он почувствовал в том кармане, где должны были лежать его находки, инородную руку, резко обернулся и увидел спину в длинном сером пальто, степенно удаляющуюся в толпе пассажиров. Амулет и кольцо, впрочем, остались в кармане вместе с мятой пачкой противозачаточных таблеток. «Повезло». На всякий случай он нацепил кольцо на большой палец левой руки, а амулет завернул в выуженный из внутреннего кармана лист плотной бумаги и, упрятав

сверток поглубже, застегнул карман. «Повезло», – повторил еще раз. С этими мыслями он и направился к дому. Повезло? Кто знает....

Добравшись до квартиры, Сергей скинул одежду и залез под душ. Теплые струи дарили блаженное ощущение собственной материальности. Он выключил воду и оглядел себя в зеркало: «Да, существую! Хорош собой...Ну, и так далее...» Вылез и, закутавшись в темный махровый халат отправился пить кофе. Потом было глубокое кресло и приглушенная музыка струнного квартета. Блаженство обыденности.

Стараясь сохранить ощущение закатного бриза на берегу южного моря, которое выводили переливы мелодии, Сергей сначала долго разглядывал рисунок кольца на пальце, потом поднялся взглянуть на вторую часть своих сокровищ. Выудив из кармана сверток, он извлек амулет и принялся его рассматривать.

Основание предмета представляло собой стержень с нанесенными по всей длине трехмерными символами, выступающими друг над другом. Верхняя часть фигурки напоминала бы мальтийский крест, если бы центральный его луч не походил по форме на наконечник копья, и вся поверхность его не была покрыта рунами, постепенно переходящими в арабскую вязь. Сергей некоторое время разглядывал сочетания знаков и линий, потом решил, что не стоит ломать над ними

голову, и пристроил экзотическую шутовину возле банки с вставной челюстью. Вещица выглядела золотой, очень старой и стоила наверняка кучу денег.

«Пусть пока так побудет», – решил хозяин и обернулся выбросить листок, в который была завернута находка. Взяв бумагу, он обнаружил, что это распечатка электронного письма, а начав читать, решил, что, может быть, как раз для этого и стоило найти кольцо с амулетом.

«Я к Вам пишу.....

С трудом представляю, который час, но как-то мне абсолютно пофиг.

Перешли на чинзано. Переход был труден. Пришел Котик и в очередной раз объяснил, как он меня сильно любит. Понимаешь, меня все любят, а я что-то торможу.

Заранее прошу извинения, но я давно так не напивалась, поэтому теперь мне можно все. Прости, что в понедельник утром тебе приходится читать мой алкоголический маразм, но ничего поделать с собой не могу. Котикова жена упала спать, до этого высказав все, что она думает о занятых мужчинах. Она объяснила, насколько они коварны, и что они просто развлекаются и т.д., и т.п.

Наверное, она права. Скорее всего, она права. У нее опыта больше. А Я так чисто погулять вышла.... Я даже согласна с этттим.

Но понимаешь... когда ты меня обнимаешь, целуешь –

мир останавливается. Одно твоё касание вызывает во мне в сто раз больше эмоций, чем траханье с супермальчиками. Ты мне не веришь, но твой первый поцелуй, действительно, ввел меня в полуобморочное состояние. После чего меня пробило на бешенную энергию. Я ушла гулять, только чтобы понять, что это было в реальности. Что ты был. Рядом.

Мне плевать на твоих любовниц и вообще весь отряд женщин, которых ты ошастливил. Плевать...

Но на всех кроватях, на которых мы побывали, было то, что трудно определить словами, только глазами, поцелуями, вздохами и моими безумными криками, за которые мне даже в пьяном виде стыдно.

За меня умирают мужчины, которые, наверно, нравственнее лучше и честнее тебя, но они пресны и скушны, как прошлогодний снег. Потому что ты касаешься меня так, как, наверное, трогает только Мужчина, потому что ты обнимаешь меня так, что в эту секунду вечности я готова прочувствовать и отдать тебе все, только бы это длилось и длилось. За часы с тобой, когда я забываю, что такое думать, я еще не раз готова продать душу дьяволу. Время, когда я улетаю, а ты получаешь удовольствие, сжимая меня в объятиях – это и есть чудо.

Скорее всего, я – пьяная дура, и скорее всего ты скоро наиграешься, но когда ты будешь гореть в аду (а я где-нибудь недалеко от тебя), то будешь точно знать, за чью душу тебя сжигают.

Прости, если я тебя пугаю, но не могу по-другому. Если чувствую, то на все сто. Именно поэтому не гожусь тебе в любовницы. Наверное, тебе нужно что-нибудь поспокойнее. А я как пещерный житель, что чувствую, то и говорю.

Не совсем уверена, что буду ощущать после тебя других (а они все равно будут), но ты действительно идеален (для меня). Ты сделал меня женщиной и, к сожалению, эта ответственность теперь навсегда твоя.

О, Господи, Солнце, прости. В итоге я оказалась банальной татьяной, и ты можешь смело давать мне уроки, как вести себя с мужчинами. Это потом я буду супер, а они сами собой в штабеля будут укладываться (это уже было, но на моем маленьком уровне), но сейчас я замерла на вдохе и выдохнуть боюсь.

Все это старо как мир, все это банально и повторяется каждую секунду в мире, просто для меня – это ново и удивительно, и волшебно. И когда я исчезну, то не описывай меня, пожалуйста. Меня просто не было.

Знаешь, что для меня идеально на данный момент – это уснуть рядом с тобой и проснуться рядом, и увидеть, что ты не исчез. Мне страшно, что вдруг я тебя больше не увижу. Ты не представляешь, насколько мне страшно.

Не очень удивлюсь, если не получу ответ. Ты ведь земной, со своими проблемами, и я увожу тебя немного не в ту реальность.

Наверно, ты улыбаешься, прочтя этот бред. И даже, на-

верное, посмеешься со своим другом (который воспринимает меня как очередную пассию). Может, не стоило все это будить во мне. Спала бы и спала сном младенца и ведать не ведала, что такое существует.

Боже! Перечитала письмо и ужаснулась, что я такое написала. Но я ведь смелая девочка. Могу объять необъятное и получить нереальное.

Правда, чудес не бывает.

P.S. Так как мне предстоит здесь напиться еще несколько раз, то, видимо, это не последнее письмо в таком духе. Крепись.

Ты знаешь, одна человеческая жизнь в размере Вселенной – это ничто, но одна человеческая жизнь для другой человеческой жизни – это и есть Вселенная».

Сергей закончил чтение и сидел некоторое время, откинувшись в кресле и пытаясь выстроить в голове линию своего существования с женщиной, от которой теперь у него остались только письма.

«Что я знаю о ней, – думал он, – Глупый вопрос! Что я вообще знаю о женщинах. Кто она, вот это, действительно, важно». И еще: «В те моменты, когда по ее телу пробежали судороги наслаждения, я ощущал себя богом, повелевающим этой бурей. Весь мир болен нарциссизмом. И я в том

числе. В этом все дело».

Дело было не в этом. Теперь он осознал это совершенно точно.

В этот момент в дверь позвонили.

– Не слишком ли много совпадений? – проворчал размышляющий и пошел открывать.

За дверью стояла миловидная стройная блондинка в джинсах и легком свитере.

– Ну вот... – чуть было не выпалил хозяин.

– Я ваша соседка, – сказала девушка, предупредив вопрос Сергея, – что-то со светом случилось. Не поможете?

– Отчего же... – ответил тот и пошел разбираться в электричестве – Меня Сергеем зовут, – сказал он на всякий случай.

– Оля, – последовал ответ.

Оказалось проще простого – вылетел рубильник оттого, что одновременно работали стиральная машина и микроволновая печь. Когда вспыхнул свет, монтер обнаружил в гостиной накрытый стол и массу деликатесов на кухне.

– У меня будут гости по случаю переезда. Вот – только обустроилась. Сережа, приходите через часик, а? По-соседски.

– Отчего же... – слова не желали приходить в голову. – Через час? – уточнил и заторопился собираться.

Сначала приглашенный рассмотрел себя в зеркало и остался доволен тем, что увидел. Правда на носу вскочил

прыщик, но он не пожелал этого замечать. Полил себя одеколоном, нацепил куртку и помчался к метро за цветами. Купил крупную розу нежно желтого цвета и бутылку грузинского вина. Спешил домой, пряча цветок у себя под курткой, и думал, с чего бы это он так размяк. Ведь это же точно не она. Почему? Он не знал, но был уверен. И что же дальше? Дальше собрался идти в гости. Более того, был этому рад.

Когда он позвонил в дверь, ему открыл взъерошенный парень и, проговорив:

– Вы к Ольге, – удалился вглубь квартиры.

Сергей несколько минут потолкался в коридоре, присматриваясь к отдельным личностям. Поискал учредительницу суаре и обнаружил ее на кресле в дальнем углу стола. На этом радость закончилась, потому что в том же кресле сидел красивый парень и что-то шептал ей на ухо с ухмылкой обладателя. И она слушала его, внимательно улыбаясь. Лишь иногда бросала гостям что-то вроде:

– Попробуйте салат, сама готовила...

«Чего это ты, собственно, – окоротил себя Сергей, – влез в чужую жизнь и ждешь распростертых объятий. Но ведь сама пригласила... И что с того?!»

Тем не менее гость обозлился. Он никогда особенно не любил долгие тусовки с мутными фразами о концепциях современного искусства, проблемах выражения адекватного «я» в условиях мегаполиса, прочее занудство и терпеливое

веселье. Даже если в конце были танцы... Зачем пришел?

Сергей все еще рассматривал публику, когда возле него остановилась милая блондинка в цветастом платье.

– Вы из Москвы?

– Да нет, – ответил. – Родился где-то здесь. Поблизости.

– Мои родители из Москвы. Мы жили на улице Тимура Фрунзе. Это через реку от Лужников. Обожаю Москву! А Вы?

– Я? Скорее...

– Мы переехали только год. У отца здесь холдинг. Вы любите кошек?

– «Скорее кисок», – подумал он. Начал импровизировать.

– И да, и нет. Смотря...

– Я обожаю кошек! У меня сиам. У него глаза как у меня.

Вам нравится? Как я смотрюсь в этом платье?

– Безусловно! –отреагировал Сергей и улизнул на кухню, потихоньку выгрузить покупки и отвалить.

Войдя туда, он обнаружил женщину лет двадцати пяти с чашкой кофе и сигаретой в руках. Ее темно-русые волосы были собраны на затылке, крупный рот подчеркивала темная помада. Стильные очки в металлической оправе. Пальцы с несколькими кольцами желтого металла. Шерстяное платье в тон волос. Она сидела, откинувшись к стенке, и пристально рассматривала вошедшего.

– Я – сосед! –отрекомендовался Сергей и вручил девушке принесенную розу.

– Это хозяйке?

– Это Вам. У хозяйки уже и так целая клумба.

– Откуда Вы знаете... Впрочем, ладно. Откуда Вы знаете, что я люблю чайные розы?

– Я вижу, что Вы любите цветы.

– А кто их не любит?

– Я, например.

– Почему?

– История долгая и неинтересная.

– Все равно спасибо. Меня зовут Анна.

– Очень приятно. А меня – Сергей.

– Присаживайтесь, – и он разместился на стуле напротив, вытащил из кармана и откупорил бутылку. Благо, штопор и бокалы обнаружили тут же на столе.

– За знакомство! – сказал кавалер и коснулся поднятого навстречу бокала.

– Чин-чин, – ответила дама и пригубила вино. – Неплохо. – Посмотрела на него и добавила. – Вино Вы тоже не любите?

– Что-нибудь покрепче. Но вообще-то под хорошую беседу, какая разница...

– Да, интересный тип. Цветов не любит. Вина не пьет.

– Женщин....

– Простите?

– В этом списке женщин не хватает. И я славно перетеку в состояние мизантропа или монстра. Не знаю, что хуже вый-

дет.

– Поставим через тире – монстра-мизантропа – выйдет и похуже. Не находите? Интересно... – повторила она.

– Так вот, к женщинам я отношусь сугубо положительно, а некоторых даже люблю.

– Это успокаивает.

В это время в кухню заглянула еще одна гостья и сказала вопросительно:

– Аня, ну сколько можно? – и вскользь глянула на Сергея.

– Подожди, – ответила та. – У меня тут собеседник.... – замолчала, и продолжила после паузы. – Уж больно занятный.

– Правда? – девушка и Сергей произнесли это в унисон. – Ну я пошла... – продолжила вошедшая и удалилась.

– Очень интересно... – теперь уже хором сказали оставшиеся на кухне и улыбнулись друг другу.

– Вот за это уж точно следует выпить! – произнес кавалер, вторично наполнил бокалы, откашлялся и пригладил волосы.

– За что?

– За знакомство...

– За долгое знакомство... – она смотрела на него в упор и то ли подтрунивала, то ли провоцировала его, а он решил попасться на эту провокацию. Тем более, что вино уже плавало в голове и плавно растворяло давешнюю хандру и мысли о поисках смысла жизни и слоях существования.

– Расскажите мне что-нибудь про вашу компанию... – ска-

зал Сергей, чтобы что-нибудь сказать.

– Ольга – моя двоюродная сестра. А это – ее друзья – главным образом сокурсники. Я их тоже знаю плоховато. Так что мы оба вне круга общения. Не жалеете?

– Нет, мне вполне хватает Вас.

– Скромно...

– Зато правдиво...

– Вы, ведь, сосед?

– Да.

– Не похвастаетесь жилищем?

– Отчего же? Правда, порядок не гарантирую. Не готовился...

– Это и привлекает. Пойдем, – поднявшись, она оказалась ростом почти с Сергея с тренированной, но не спортивной фигурой. Платье облегалo округлости тела и по длине едва достигало колен. Она шла впереди к входной двери, и ему нравилось двигаться вслед за ней, видеть движение бедер, дышать духами. Выйдя на площадку, женщина обернулась, и ее лицо оказалось совсем рядом.

– Куда... – произнесла она одними губами.

Сергей не торопился. Здесь нельзя было торопиться. Он молча обошел ее и открыл дверь в собственную прихожую. Гостья прошла ее насквозь и остановилась посреди комнаты.

– Пустовато, – сказала она и опять обернулась, оказавшись совсем рядом. – Ты не находишь?

– Нет... – говоря это, он старался находиться в отдалении

и держать руки за спиной. Знакомство развивалось стремительно. И он начинал этого слегка побаиваться. «Отчего мы боимся быстрых связей?» – начал рассуждать хозяин квартиры, чтобы не думать о соблазнительном теле стоящей рядом леди. «Отчего дама всегда должна быть сдержана, а кавалер настойчив? Феминизация на дворе. Так что извольте...» Чего изволить, он домыслить не успел. Гостья закончила рассматривать фотографии на стенах и проговорила:

– Попробую угадать, кто ты...

– Попробуй, – сказал хозяин и добавил про себя: «Вот интересно. Я и сам не знаю».

– Ты работаешь в издательском бизнесе. – Анна сняла очки и близоруко прищурилась.

– Почти угадала. Я парфюмер.

– Ага, – улыбнулась она, довольная тем, что они оба теперь перешли на неофициальный язык общения. – Это который от Зюскинда.

– Да нет, вполне реальный труженик отрасли. Варю волшебные кремы матушки Эсти Лодер, которые потом продают в разных магазинах.

– Вот здорово. – Сказала она и сделала шаг в его направлении. – Ты кулинар? Или косметолог?

– Да нет, – повторил он, не выдержал и взял ее за талию. – Это по-другому называется. Просто разрабатываю всякую косметическую продукцию. «Росой молодости», конечно, здесь и не пахнет. Хотя...

Сергей, действительно, работал шефом отдела R&D (науки и развития) в косметической компании, девизом которой значилось: «Не стоит продавать душу дьяволу за молодость и красоту. Купите наши средства ухода, и мы сделаем это за Вас!»

Косметику, право слово, они делали неплохую, а линия SPA даже пользовалась ажиотажным спросом. И это при том, что фирма избегала крупных рекламных акций.

В чем был успех – в исключительном чувстве исторической парадигмы и ощущении движения женских пристрастий, которое в последнее время свелось к концепции: «Побалуй себя!», или в лояльных ценах на продукцию высокого уровня – Сергей не знал, да и не хотел думать об этом.

– Сделаешь это для меня... – произнесла она, переходя на шепот, и провела тыльной стороной ладони ему по щеке. Он не очень-то сообразил о чем идет речь, но понял, что готов выполнить и то, и другое.

На следующий день было воскресенье.

Сергей проснулся поздно и долго лежал с закрытыми глазами, а когда открыл их, обнаружил рядом Анну, которая перебирала пальцами и рассматривала амулет. Увидела, что он проснулся, и улыбнулась:

– Сережечкин... Доброе утро, родной.... Откуда у тебя эта штуковина? Археологией увлекаешься?

– Да нет – от предков досталась. – Если вдуматься, то он

был абсолютно честен. Коли не от предков, то от кого же еще?

– Тяжелая и загадочная.

– И пахнет древними наветами, – продолжил он ее фразу, с интонациями, свойственными фильмам ужасов.

Она тут же вернула предмет на тумбочку и весело всплеснула руками.

– Я тебе не верю. Ну, в этом проклятом вопросе...

Сергей подробно вспомнил события прошедшей ночи, проникся гордостью и произнес с апломбом:

– Ходить-то сможешь?

– Даже летать! – ухмыльнулась подруга и выскользнула из постели. – Признавайся, где чудодейственный крем? Желаю быть твоей подопытной кошкой... Парфюмер. – Без одежды и с распущенными волосами она выглядела еще привлекательней...

– Посмотри, там под ванной ящик с пробниками. То, что на этикетке значится – правда.

– Голая?

– Что?

– Правда – голая?

– Одета.

– Чистая?

– Угу... Слушай, а почему ты решила, что я – издатель.

– Во-первых, – сказала она, копаясь в коробе с косметикой, – не издатель, а работаешь в этом бизнесе, во-вторых,

рассказывать любишь, но это не главное. А главное – у меня папа – писатель, и он обожает всякие такие загадочные темы и пустоту пространства. По аналогии...

– По аналогии ты тоже должна работать в издательском бизнесе.

– И не угадал. Я – логист. Знаешь такое слово.

– Ну, я ведь на производстве работаю, и никакое снабжение мне не чуждо.

– Вот и познакомились.

– Так быстро...

– Ага, вот что тебя заволновало. Понимаешь, люди, с которыми стоило бы общаться, встречаются чрезвычайно редко, – Анна запнулась. – Может быть я всю жизнь тебя ждала. Только мы не сразу встретились. И вот вчера поняла, что если не сейчас, то уже может и не выйти ничего. Поэтому и заторопилась. Видишь, как я тебе все и рассказала. Извини... я приму душ. – Она включила воду и прикрыла дверь.

Сергей откинулся на подушки и уставился в потолок. Мир снова топил его в своей многовариантности. С одной стороны Анна – реальная, теплая, живая – сколько эпитетов еще можно придумать! С другой стороны – письма. Не письма – их автор. Образ, скрытый за флером недосказанности. Скорее ощущение, чем восприятие. Сергей огляделся по сторонам, отыскивая глазами листок с набранным текстом. Не увидел его. Поднялся и обошел всю квартиру, заглядывая под подушки, подстилки, лежащие и стоящие предметы. Ни-

чего.

– Что ты ищешь? – появилась Анна из ванной комнаты.

– Да так... Пойдем завтракать.

– И все-таки.

– Носок куда-то делся.

– Какой же ты не качепыжный! – сказала нежно. – Так вот же они. В прихожей.

– Бывает же! – удивился хозяин (снимать носки вместе с уличной обувью было его давнишней привычкой) – Теперь уже точно пошли. Ты что предпочитаешь.

– Кофе с таким.

– Не знаю про «так», но кофе точно есть.

Они сидели на кухне и отхлебывали горячий кофе маленькими глотками. Сергей закусывал крекерами с маслом и джемом.

– Расскажи мне о себе, – попросила гостя. – Только не общими фразами.

– Почему бы и нет, – ответил хозяин, выбирая, что бы такое соврать. Все истории выходили очень жалостливые, и он решил, что разберется по ходу повествования. – Если позволишь, начну я с того, как уже стал взрослым. Это началось... Впрочем, нигде и никогда. Просто началось и все. Жил-был...

Дальше он говорил, практически не напрягая мозги, образы и события сами просились на язык. Выходило, что он уже дошел до той границы, когда повествование развивает-

ся, исходя из своих собственных законов. Он говорил, и сам удивлялся, откуда знает все это.

Пересказ жизнеописания Сергея автор счел возможным опустить, поскольку оно, если не придирааться к мелочам, один в один повторяло историю разрыва с первых страниц этой книги.

Анна слушала рассказчика с сочувственным выражением (я бы даже вычеркнул первую пару букв), пока он не прекратил говорить. После положенной паузы она спросила:

– То есть ты – приверженец трагедийных чувств.

– И не только я. Ты вспомни хоть один роман про счастливую любовь? И как?

– Сколько угодно. Возьми хотя бы Шарлоту Бронте, не считая всяких Барбар Картланд и современных романисток.

– И еще желтую прессу.

– Ну и что?

– Хорошо, но ведь это – все только женские романы!

– Ты не находишь, что может быть в этом и заключается отличие женского мировосприятия от мужского.

– От мужицкого, хотела ты сказать.

– Нет, не хотела, но мужики во всем всегда ищут сплошной трагизм. Или нет. Они начинают формировать это свое мировоззрение только когда на душе сплошной трагизм. В другое время они вообще не хотят думать.

– Ну ладно, они слишком заняты собой или работой. А что тогда женщины?

– А женщина изначально настроена на позитив.

– Bravo! Скажи это мужчине, имеющему семейный опыт.

– А это он сам во всем и виноват.

– В чем, в опыте?

– Дурак!

– Сам знаю! – пока он кипятился, она обошла столик и села ему на колени.

– Я же говорила, у тебя склонность к литературности. А вообще-то мне все равно, что ты говоришь – хоть газеты вслух читай – я обожаю слушать твой голос. Вот так-то. Ладно, мне пора.

Она стояла перед большим настенным зеркалом в ореховой раме и прихорашивалась, поглядывая на Сергея. А он прошел вглубь комнаты и плюхнулся на диван.

«Она смотрит на меня, отражаясь в зеркале, – лениво перебирал он свои мысли. – Я смотрю на отражение и думаю, что это она. Я уверен. И в этом и есть подлинный смысл – в том, что я понимаю отражение как реальность. Та реальность, которая на самом деле мне не доступна. Сущность обнажается, но так ли часто мы способны это увидеть? Она обнажается в темноте. Без отражений. И мое движение происходит в плоскостях, только лишь отражающих единую сущность, которая многолика и поэтому в принципе не может быть заключена в единую раму. »

Зеркало, перед которым стояла Анна, досталось Сергею

от деда. А откуда получил его тот – Бог ведает. Это было не просто зеркало. Это был знак перехода. За его поверхностью иногда угадывались ступени лестницы вниз и дверь, приоткрытая в никуда. Странно, что это видел только он.

Однажды Сергей швырнул в зеркало подсвечником, и сетка трещин исчиркала край изображения, которое все равно продолжало существовать. «Знак перехода. Зазеркалья мне еще не хватает, – зло подумал парень, – Впрочем, про метро тогда кто же знал... Выходит, наследственность. Попробовать что ли?» Поменять треснутое стекло он так и не решился.

– Ну, все, – Анна закончила макияж и начертила на зеркале ряд цифр губной помадой. – Увидимся! – Чмокнула его в щеку и выскользнула из квартиры.

– *Tempora mutantur et nos mutantur in illis* (Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними)! – напыщенно проговорил хозяин дома, защелкнув замок. – И все-таки, что же делать?

Покопавшись немного в себе, он решил, что отношение к своей давешней гостье можно определить термином «влечение», и это неплохо. Почесал в затылке, зевнул и пошел разыскивать потерянное письмо. Но оно как сквозь землю провалилось. Зато, порывшись в прикроватной тумбе, Сергей обнаружил там первое послание, которое на самом деле было вторым. Глаза пробежали по бумаге, выхватив несколько строк:

«Сейчас ехали по Городу – такой туман. И Город такой странный, и очень красиво. Я бы погуляла с тобой по такой погоде. Все такое инопланетное, еле слышное и еле видное. Вот Сестра и усвистала гулять куда-то. А на меня нашло задумчивое настроение...»

– Вот-вот, – сказал он себе. – Наваял на себя дымку загадочности и блуждаю в ней как ежик в тумане...

И все-таки существование женщины, писавшей эти письма, не давало ему покоя. Даже если бы захотел, он не смог выкинуть из головы мысли о ней.

– В конце концов, я – тривиальный мужчина и хочу, чтобы меня затащили в постель! – начал он зачем-то оправдываться и понял, что не очень-то в это верит. Он достал мобильник и стал списывать в его память цифры с зеркала и удивился, заметив, что их набор в точности повторяет дату его рождения: 189-19-73.

Сергей не успел придумать, чем ему занять выходной. Затахтел телефон.

– Чего не звонишь? – угадал Сергей Сашкин голос.

– Я?

– А кто же? Мог бы хоть поинтересоваться, как друган домой от тебя добрался.

– Ну и как?

– А хреново! Попался какой-то мозгляк, и мы с ним чуть не до утра лясы точили. У, каркалыга!

– Не понял. Зачем точили?

– А выпимши я был, если ты не помнишь. Общения не хватало. А ведь мороз на улице, между прочим. И почему в подворотнях всегда так холодно?

– Так вы на улице?

– Дошло. Ты что думаешь, я совсем съехал, кого попало домой таскать.

– Ну и как ты?

– Астения у меня!

– Как зовут? – переспросил Сергей.

– Хандра и температура для бестолковых. Короче...

– Уже еду.

– Водки много не бери! – и гудки в продолжение.

Сергей уже прижился к этому миру и теперь точно знал, куда направиться. Выглянул в окно, отгадал в ряду припаркованных во дворе машин свою Тойоту и предпочел общественный транспорт. Ехать в метро он не решился – покати́л на маршрутке, занял место в углу салона. Сидел и думал.

«Кто я теперь? Вернее, какой я теперь? Разве этот вопрос должен меня интересовать? Наше сознание впитывается в предоставленную ему цепь обстоятельств как мицелий гриба в приютившее его дерево. И уже поэтому оно – сознание структурирует себя согласно измерениям развертывающегося перед ним времени и пространства. И что меняется, если пространство становится несколько больше, если оно начинает почковаться как инфузории-туфельки в придорож-

ной луже? Разве это дает мне дополнительную свободу? Конечно же нет! Свобода, если только она – не фигура речи – это порыв – скачок от одного статуса к другому. И поэтому ее (свободу) подменяют понятием воли, намекая на способность совершать такие скачки один за другим. Но статус при этом все равно никуда не девается, иначе не было бы опоры. И опять же всегда существует смерть. Ее не стоит принимать за опору – за «критерий существования» или «точку отсчета». И все же она есть, и за ее пределы ничего не возьмешь. Память потомков – очередной фетиш, на который не стоит обращать внимание. Но время в этом случае смешивается с сиюминутностью. И я остаюсь в этой сиюминутности, ставя во главу угла только желания и поступки. И поэтому теряю протяженность времени, подменяя его протяженностью новых пространств. И это свобода? Нет! Это возможность улизнуть, то есть слабость. Свобода не может быть слабостью. И, значит, все возвращается к Эклезиасту, что «ежели я Любви не имею...» Вот тут-то и значится мой главный вопрос, на который мне никак не отыскать ответа».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.